

ТАТЬЯНА
ЕРИИК

Серебро ночи:
трилогия третья

- Примум -
Книга вторая

Серебро ночи

Татьяна Герцик

Серебро ночи. Примум. Книга 2

«Автор»

2021

Герцик Т.

Серебро ночи. Примум. Книга 2 / Т. Герцик — «Автор»,
2021 — (Серебро ночи)

Сильвер заключает мир с имгардцами, но, даже объединившись со стародавними врагами, Терминус не спасти. Феррун пытается найти последний осколок колдовского камня из короны древних королей – «Примум», и выяснить, что за дракон спит под королевским дворцом Купитуса. Нескио, сдерживающий натиск врагов на юге, вновь зовет на помощь Ферруна с Амирель – в войска терминцев проникли шаманы южаков, превращающие верных испытанных воинов в предателей. Смогут ли наследники королевской крови справиться с этой новой напастью?

© Герцик Т., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	22
Глава третья	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Татьяна Герцик
Серебро ночи. Примум. Книга 2

© Татьяна Герцик

Глава первая

Завернувшись в плащ от пронизывающего ночного ветра, обеспокоенный Сильвер пристально вглядывался в темноту. Далеко-далеко в степи тусклыми звездочками светились едва видимые костры имгардцев. Этой ночью его, как главного военачальника, старейшины врагов пригласили на собираемый ими курултай обсудить возможное заключение мира с Терминусом.

Полученное приглашение изрядно смахивало на западню, тем более что передал его не Тиммис, которому он доверял, а приехавший среди бела дня один из знатных имгардцев. Письменности у степняков не было, вычурное приглашение было произнесено вслух. Сильвер плохо понимал замысловатые фразы посланца, но основная мысль была ясна – ему оказывалась великая, небывалая честь. Сам посланец в расшитом шелком кафтане до пола, или, как эту одежду называли имгардцы, – сарукане, поглядывал на просто одетых воинов Терминуса с чувством явного превосходства и вел себя соответственно.

Сильвер отвечал ему на своем языке, не желая ломать мозги, соображая и вспоминая, как звучит то или иное слово по-имгардски. Если надо – поймет. По всей видимости, тот уяснил все ему сказанное, потому что ответил на вполне сносном терминском:

– Надеюсь, властитель наших противников смелый человек, а не жалкий трус, и не побоится приехать на курултай, где его будут ожидать все старейшины великой степи.

Он уехал, а стоявшие рядом с Сильвером полководцы враз решили, что это откровенная ловушка.

– Что за курултай посредине ночи? Впервые о таком слышу. Поедешь, тебя схватят, и хорошо, если просто убьют. Но скорее всего будут мучительно пытаться. Это для имгардцев изысканное удовольствие. Чем выше по статусу и известнее схваченные ими воины, тем большее наслаждение они получают от их мук, – ясно высказал свое отношение к приглашению посланца сэр Литл. – Одно дело, когда к тебе приходил Тиммис, как официальный посланец имгардцев, и совсем другое – ехать в становище самому. Почему бы ему не сообщить завтра, как прошел курултай и что они там нарешали? В общем, я категорически против твоей поездки. И неважно, один ты поедешь или с охраной, итог будет одинаково печален.

С ним согласились все, и вердикт был вынесен единогласно – Сильверу никуда не ездить. Но ему было не по себе. Слыть трусом даже среди заклятых врагов ему не хотелось. Но и ехать было нельзя. Он здесь не сам по себе, какой-то там Сильвер Медиатор, а глава всего терминского войска. И если он стинет, то в Терминусе останется всего один военачальник, имеющий право возглавить объединенное войско – нескио. Но он в столице и срочно вызвать его в Ключград не получится.

Все это было справедливо и правильно, но отважная душа Сильвера все равно изводилась от бездействия. Сидеть, ничего не предпринимая, и ждать нового наступления имгардцев у него не было сил. Снова посмотрел на мерцающие вдалеке вражеские костры. Что ему делать, ехать на этот курултай или нет? В поисках подсказки посмотрел на отданный Ферруном кинжал. Волшебный камень в рукояти молчал, будто самая заурядная драгоценность. Что это значит, понять не мог. Ему ничто не угрожает ли же он просто слишком далеко от предполагаемой опасности?

Если попробовать подъехать поближе к стоянке имгардцев и сразу вернуться, если камень начнет предупреждающе светиться? Мысль была слишком заманчива, чтоб не попробовать. Он тихо, не привлекая внимания караульных, отошел подальше от горящих факелов. Отвязал своего коня от коновязи и, не садясь на него, украдкой провел мимо сидевших вокруг небольшого костра воинов.

Вскочил в седло только тогда, когда его никто из терминцев видеть не мог, ударил в бок лошади каблуками и понесся к виднеющимся в степи огням. Несколько раз ему в спину кри-

чали «стой!» и даже летели наугад пущенные стрелы, но он не останавливался, лишь прижился к гриве коня.

Камень в кинжале не светился, и он углублялся в степь все дальше и дальше. Бег Ветра все-таки замедлил, боясь, что тот оступится в темноте, запнувшись за какой-нибудь камень или корень. Через некоторое время показались освещенные кострами высокие шатры имгардцев, и он нерешительно задумался, гадая, повернуть ли ему назад или все-таки явиться на назначенную встречу.

И тут камень на рукояти кинжала замерцал предупреждающим розоватым светом, и Сильвер развернул коня, решив не пытаться судьбу понапрасну. Внезапно вынырнувший из темноты дозор степняков его остановил. Вопрос «кто такой» прозвучал на чужом языке, но Сильвер его понял и с мнимым спокойствием ответил, понимая, что теперь остается лишь делать вид, что все совершилось по его желанию:

– Я Сильвер, приехал на курултай по приглашению старейшин. Проведите меня к ним. Меня ждут.

Взяв под узды его коня, караульные в полном молчании довели его до самого большого, изукрашенного ярким орнаментом шатра, и пригласили войти. Спрыгнув, Сильвер снова посмотрел на кинжал. Камень угрожающе светился уже не розоватым, а фиолетово-красным цветом. Сильвер мысленно выругал себя, понимая, что замышляется что-то недоброе. Зря он вздумал ехать сюда наперекор прямому запрету друзей.

Но делать было нечего. Гордо вскинув голову, вошел в шатер и безмятежно приветствовал собравшихся. Удивление, проступившее на лицах присутствующих, когда они услышали от дозорных, что терминец прискакал один, пролило бальзам на раненое собственной непредусмотрительностью самолюбие Сильвера.

– Ты отважен, чужеземец, – признал один из седобородых стариков, сидевших на толстой шкуре быка, расстеленной на полу. – Но почему ты один?

– А зачем мне охрана? – в свою очередь спросил их Сильвер. – Если вы замышляете меня убить, то для охраны мне нужно брать целое войско, а если нет, то она мне тем более не нужна.

Сидевшие вдоль стен на толстых коврах старейшины запереглядывались, одобрительно кивая. Им понравился этот смелый чужак. Встречавший Сильвера у входа старик в расшитом золотым шелком сарукане указал ему на место рядом с собой, и он устроился на ковре, скрестив перед собой ноги, как и остальные мужчины.

– Тиммис убеждал нас, что вы хотите с нами мира, – с некоторым высокомерием высказался сидевший третий от него старейшина с лукавым взглядом узких глазок.

– Мир более выгоден вам, а не нам, – с легкой укоризной поправил его Сильвер. – Это ведь ваш народ уничтожают южаки.

Старейшины нахмурились. Это было жестокой правдой, но признавать свою слабость значило дать оружие в руки врага.

– Южаки не трогают имгардцев, – возразил старик в остроконечной шапке с лисьем хвостом на ней. – Мы с ними живем мирно.

Сильвер лишь насмешливо улыбнулся, давая знать, что видит глупые уловки насквозь, и промолчал.

Поняв, что гость не собирается отвечать на явную ложь, мужчина, сидевший в центре круга и выглядевший вовсе не старым, спросил на языке терминцев:

– А что нам будет, если мы согласимся стать вашими союзниками?

Сильвер пожалел, что у него не подвешен язык так, как у Беллатора. Тот бы столь красиво расписал райскую жизнь имгардцев, которая непременно наступит после заключения военного союза, что они сами стали бы его выпрашивать. Ответил так, как умел:

– Мы будем защищать наши земли и наши семьи вместе. Наверняка у каждого из вас есть родственники в моей стране, ведь во многих имгардцах течет кровь наших женщин. А

южаки всем нам чужие. Это злобные твари, которые вашими руками освобождают место для себя. Неужели вы думаете, что они в самом деле оставят вас в покое? Они довольны, что их враги уничтожают друг друга, и делают для этого все, чтоб стравить нас.

Неприятный крючконосый старикашка ядовито возразил:

– Ты так говоришь потому, что мы заняли почти весь Терминус, вам нечего есть и вы жуете жухлую траву.

– И кто это вам сказал такую бредь? – презрительно сощурился Сильвер. – Может быть, ваши лазутчики, что сидят в наших темницах? Только в подземелье королевского дворца их несколько сотен!

Старики угрюмо замолчали. Это было их самое больное место. Матери посланных в Терминус воинов все были уроженками Терминуса, все были красивы, и все являлись любимыми женами. Их недовольство сильно портило жизнь их мужьям.

Более того, все женщины, как одна, требовали заключить мир с их родной страной, и грозили мужьям очень неприятными карами в случае послушания, вплоть до отказа от супружеского ложа. Если б на их месте была имгардка, пусть даже и дочь вождя любого из племен, это бы ей с рук не сошло, и она наверняка бы отведала плетки из рук рассерженного мужа, но с терминками этого делать было нельзя, уж слишком они были хрупки и обидчивы.

– Как ты хочешь построить свои войска при союзе с нами? – наконец-то прозвучал дельный вопрос, и задал его стоящий за кругом старейших воин в боевом наряде. – Вперемешку или сначала мы, а потом вы?

Как опытный военачальник, Сильвер прекрасно понимал, что чего задан этот такой простой, а по сути каверзный вопрос. Если поставить воинов вперемешку, это явное недоверие к вновь обретенному союзнику. Если перед своими воинами – еще хуже, это означало, что имгардцев, как малоценных союзников, обрекают на верную смерть, ведь их сомнут первыми, и в живых не останется никого.

Ставить их позади своих значило поступить наоборот – спасти их, жертвуя своими людьми. И Сильвер весомо ответил:

– Каждый будет защищать то, что ценно для него. Вы перенесете свои шатры с семьями в безопасное место и встанете перед ними нерушимой стеной так же, как и мы стоим, защищая свои дома и семьи.

Все присутствующие одобрительно закивали, что-то быстро друг другу говоря, Сильвер в общем шуме выхватывал лишь несколько понятных фаз «это верно», «он настоящий полководец», «мы выведем из-под удара свои семьи».

Но крючконосый упрямо заявил, возвысив хриплый голос:

– Мы погибнем, если станем якшаться с нашими исконными врагами. Южаки обещали нам помощь и поддержку, если мы уйдем на северные земли и не будем им мешать. И нам не нужны эти терминцы. Мы возьмем их женщин и будем мирно жить на их землях. Зачем нам этот невыгодный с ними союз? Для чего мы должны проливать ради них свою кровь?

Теперь шум уже достиг такой силы, что Сильверу захотелось заткнуть уши. Каждый горланил что-то свое, не слушая соседа. Он презрительно поморщился. Да это деревенский базар, а вовсе не совет мудрецов. И ведь орут в полную глотку так, что ни одному зазывале их не перекричать.

Он раздосадовано опустил взгляд и увидел горевший кровавым светом камень на рукоятке висевшего на поясе кинжала. Вскочив, он замер, положив руку на рукоять меча.

– Что случилось? – к нему тотчас подошел до этого не замеченный им Тиммис.

– Засада, – одним словом ответил ему Сильвер.

Тиммис выскочил наружу и тут же вернулся.

– Стойбище окружено чужими воинами! – громко закричал он.

Крючковатый свирепо заявил:

– Это воины этого! – он указал пальцем на напрягшегося Сильвера. – Они здесь для того, чтобы уничтожить мудрейших нашего народа!

Эта похвальба была так забавна, что Сильвер рассмеялся, несмотря ни на что.

– Ты не мудрейший, не нужно себя восхвалять, – медленно, с трудом подбирая слова, сказал он по-имгардски так, чтобы всем был ясен смысл, – ты продажный интриган, торгующий своим народом. Ведь это ты сообщил южакам о курултае. И это они окружили стойбище. Моих людей здесь нет.

Крючконосый что-то возмущенно завопил, но Тиммис схватил его за горло и опрокинул на шкуру.

– А я-то думал, почему возле твоего шатра оказалось столько дорогих лошадей, – сердито воскликнул он, – а это ты торговал нами!

– Успокойся! – повелительно произнес сидевший в центре мужчина, по-видимому, главный среди старейшин. – Ну и пусть южаки заберут себе этого глупца, – он кивнул на Сильвера, – он сам виноват, раз приехал сюда без охраны.

– Не думаю, чтобы все было так просто, – язвительно усмехнулся Сильвер, – уверен, задумка южаков гораздо изощреннее. Они сейчас перебьют всех вас, а обвинят в этом меня. И хотя я здесь один, но этого же никто не узнает, потому что из вас не останется никого.

– Какая чушь! – выкрикнул крючконосый. – Конечно, южаки пришли за тобой, глупый терминец. И мы никогда не заключим с тобой военный союз, потому что такие дурни нам в союзниках не нужны!

Несколько человек мерзко захохотали, сотрясая свои толстые животы. Но Тиммис обнажил свой ятаган и встал спиной к спине с Сильвером.

– Это моя вина, что мне поверил этот человек, – мрачно сказал он, – поэтому я буду его защищать!

– Ну и подохнешь, так же, как и он, – с непонятным удовлетворением заявил крючконосый. – Ты предатель, а предателей нужно уничтожать!

Тиммис посмотрел вокруг, видя лишь довольные физиономии стариков.

– Вы все глупцы! Вы что, не слышали, что сказал Сильвер? Кто провел южаков до этого стойбища? Ведь до него нужно пройти почти два десятка укрепленных становищ! Это значит, их беспрепятственно пропустили через все! – в ярости воскликнул Тиммис и попытался воззвать к мудрости сидевших вокруг старейшин: – Как вы не понимаете, что пропущенные через ваши земли южаки сейчас убивают наших женщин и детей! – Повернувшись, пригрозил крючконосому: – А ты готовься к смерти, тебя я прикончу собственным мечом! – Обведя негодующим взглядом всех присутствующих, добавил: – Да и вы тоже все умрете! Сейчас южаки нападут на нас!

В ответ ему раздался всеобщий язвительный хохот.

– Они никогда не станут этого делать! – важно заявил тот, кто уже говорил о дружбе южаков и их нерушимых обещаниях. – Они наши друзья...

И тут в тишине ночи раздался отчаянный женский крик, потом жалобный детский визг и все стихло.

Мужчины вскочили, пытаясь выйти из шатра, но им навстречу были выставлены острые сабли. Двое попытавшихся вытащить ятаганы были зарублены на месте.

– Я вас предупреждал, – спокойно сказал Сильвер. – Так кто здесь доверчивые глупцы? Или вы просто продажные твари?

Крючконосый открывал и закрывал рот, как вытщенная на берег рыба, не в силах поверить, что его подло обманули.

– Это кричала моя любимая жена и мой младший сын, – прохрипел мужчина в красном сарукане. – Их убили! Это все из-за тебя, прихвостень южаков! – Набросился он на крючконосого. – Это ты уверял меня, что страшиться нечего и что южаки – наши верные соратники!

Он с размаху ударил его по лицу, разбив ему губы в кровь. Тот заскулил и стал отползать подальше от потерявшего рассудок вождя.

– Нас предали! – старейшины заметались, не зная, что им делать.

Воины, стоявшие у стен шатра, развернулись, готовясь расцедь стены и вырваться наружу, но не успели – шкуры, из которых был сделан шатер, были располосованы снаружи.

В образовавшие дыры со скоростью диких зверей запрыгнули воины с острыми саблями наизготовку и во все стороны захлестала кровь из обезглавленных тел.

Когда из охраны старейшин никого не осталось, в то, что осталось от шатра, величественно вошел южанин в роскошном, в пол, дээле из тонко выделанной кожи и сверкающей золотом высокой шапке на голове. Зеленоватый цвет его лица показался Сильверу ненатуральным, и он решил, что неверный свет угасающих факелов искажает все видимое, обманывая глаза.

– Я прославленный правитель восточного кулуза великого народа уймамам Берик-хан, – надменно произнес вошедший и с силой пнул подобострастно уставившегося на него крючконосого. – Падай предо мной ниц, ничтожество!

Тот беспрекословно повалился на колени и уткнулся лбом в окровавленный пол.

– А вы чего медлите? – пришелец обвел требовательным взглядом бледных старейшин. – Я жду!

Половина из них упала, но оставшиеся поднялись во весь рост и попытались вынуть ятаганы, но были тут же обезоружены стоявшими за ними южаками. Более того – несколько стариков были беспощадно обезглавлены. Кровь из их тел ударила струей и залила всех, кто лежал перед Берик-ханом. Тот довольно усмехнулся.

– Я великий мудрец! – продолжал он, коверкая имгардский язык, но говоря так медленно, что Сильвер понимал каждое слово. – Это я заманил сюда великого полководца Термана, – Сильвер даже не сразу понял, что это искаженное название Терминуса, – тупые имгардцы будут думать, что это он со своими людьми напал на ваше стойбище и перебил всех, кто в нем был. Потому что это его случайно оставленный меч найдут здесь, на ваших трупах. Жаль, что он приехал один, но те, кто случайно останется в живых, – Берик-хан снова пнул крючконосого, показав, кто же уцелеет, – поклянется, что сюда, подло воспользовавшись обещанной старейшинами неприкосновенностью из Термана приехало несколько сотен вооруженных воинов. Они безжалостно перебили всех женщин и детей стойбища, а также старейшин, вождей и прочих самых уважаемых людей вашего славного народа.

Стоящие перед южаками безоружные имгардцы готовы были волосы на себе рвать от столь подлого предательства.

– Ну что, – Тиммис зверем посмотрел на вождя в красном сарукане. – Рады? Довольны? Спасли свои семьи?

Тот зарычал и прыгнул на ближайшего южака, заколов того вынутым из сапога кинжалом. И тут же упал с отсеченной головой.

– Не нужно мусорить, – глава южаков брезгливо отодвинулся от обезглавленного тела, кровь из которого заливала его остроносые сапоги. – Мы заберем с собой этого воина, – он указал на Сильвера, изготовившего к битве меч, и приказал своим воинам: – Имгардца убить, термина взять живым!

Сильвер весело разрешил:

– Попробуйте! – и вытащил из ножен еще и кинжал.

На него сразу бросилось с десятков воинов, уверенные, что выбить меч из его рук так же просто, как игрушку из рук слабого ребенка, и тут же попадали мертвыми – их сабли оказались мгновенно разрубленными странным мерцающим мечом. Более того – те, кто наступал на него слева, не опасаясь короткого, не достающего до них кинжала, тоже были лишены оружия и убиты.

Сильвер повернулся и одним ударом освободил Тиммиса от нападающих на него врагов. Тот благодарно проговорил «спасибо» и бросился на опасливо замерших южаков, не ожидавших столь свирепого отпора. Завязалась битва. Заметив, что крючконосый приподнялся и пытается вытащить из сапога кинжал, Сильвер не стал дожидаться, в кого тот его метнет – в него или кого-нибудь из южаков, и быстро отрубил ему кисть правой руки.

Тот взвыл и попытался зажать кровивший обрубок другой рукой. Берик-хан, решив, что рисковать своей драгоценной персоной не стоит, опрометью выскочил из шатра. Сильвер, которого он почитал легкой добычей, вдруг оказался гораздо сильнее, чем он рассчитывал, и убил уже больше десятка опытных воинов. Ведь если рядом с трупами имгардцев найдут тела воинов его кулуза, все его усилия пойдут прахом. Но он этого не допустит – все трупы уймаанам будут увезены, и все пройдет так, как он желает.

Убив еще двоих южаков, Сильвер оглянулся, ища пути к отступлению. Он понимал, что долго ему не продержаться. Сражаться посредине шатра, заваленного мешающимися под ногами трупами – полное безумие. И южаков набивается столько, что даже мечом толком не размахнуться.

– Уходим на улицу! – скомандовал он Тиммису, и они выскочили из шатра.

Следом за ними выбежали и те, кто не стал становиться на колени.

– Берите оружие! – велел им Тиммис. – Сражайтесь как мужчины, не кланяясь врагам, как трусливые шакалы!

Те схватили ятаганы убитых имгардцев и постарались отойти подальше от шатра. Но далеко уйти не смогли, их плотной стеной окружили южаки, направив на них натянутые луки.

Сильвер с горечью осознал, что это конец. Мечом от стрел не отбиться. Они ничего не смогут сделать, их слишком мало. Но сдаваться не собирался, на минуту замерев, чтобы броситься вперед, под стрелы. Лучше смерть, чем плен. Сердце пронзило острое сожаление при мысли об Амирель. Ничего не поделаешь, она была и будет чужой женой. И никогда уже не полюбит его.

И Сильвер шагнул вперед, подняв меч. Правое плечо тотчас обожгло несколько острых молний, и он чуть не выронил потяжелевший меч из бесчувственной руки. Но больше выстрелов не последовало, и он понял, что убивать его не хотят, он нужен южакам живым. Для чего? Будут издеваться или потребуют выкуп? Он не желал ни того, ни другого. Путь лучше убьют. Он крепче сжал рукоятку меча, преодолевая острую боль.

И когда он уже покачнулся, собираясь прыгнуть вперед, на выставленные навстречу ему сабли, засверкали странные молнии, мгновенно уложившие всех южаков, стоявших вокруг с натянутыми луками и обнаженными саблями. Сильверу показалось, что прошло всего-то одно мгновение, но никого из живых перед ним не осталось.

– Феррун! – с облегчением выдохнул он и принялся озираться, ища его.

Вокруг никого не было видно, лишь раздавались испуганные выкрики южан. Сильверу стало ясно, что его спаситель где-то рядом. С мечом наизготовку он помчался вокруг шатра, пытаясь хоть что-то разглядеть в полной темноте. Тиммис, тенью следовавший за ним, схватил его за руку и остановил.

– Стой, мы только мешаем! – прислушавшись, заявил он. – Но кто это может быть? Не тот ли бог, что под Мерриградом за одну только ночь убил всех наших вождей, что собрались для штурма?

Сильвер не участвовал в прошлогодней битве за Мерриград, но представлял, что Феррун вполне на это способен, поэтому молча кивнул. Сравнение Ферруна с богом его здорово позабавило. Представив, как повеселится Беллатор от столь помпезного величания самого своего и невоспитанного юнца, что они знали, Сильвер растянул губы в веселой улыбке.

Они постояли, пристально всматриваясь вдаль. Тиммис с сожалением сказал:

– Я не очень хорошо вижу в темноте. Но вокруг нас южаков больше нет.

Внезапно позади раздался знакомый голос, и Сильвер стремительно повернулся.

– Хорошо, что ты вовремя меня позвал, Сильвер. Не то я бы просто не успел. Хотя тебя вроде убивать не собирались, зачем ты сам полез под стрелы?

Сильвер попытался вытащить хоть одну стрелу, но не смог совладать с острой болью, пронзившую все тело, и на вопрос не ответил. Неужто Феррун сам не может понять, почему?

– Пошли в шатер, – приказал Феррун, и взял Сильвера за здоровое плечо.

Рука у него оказалась железной и болезненно зажала мышцу, хотя Феррун поддерживал его осторожно и бережно. Сильвер хотел отказаться от его помощи, но пошатнулся, сказывалась потеря крови, и промолчал. Они вошли в шатер, где Феррун брезгливо поморщился – там остро воняло уже свернувшейся кровью.

Костер догорел, лишь красноватые угли освещали тревожными красноватыми сполохами остатки шатра. Уцелевшие старейшины сидели подле него рядком, вздрагивая от каждого шороха. Едва в шатер вошел Феррун с Сильвером и уцелевшими имгардцами, они удивленно охнули и принялись расспрашивать Тиммиса, что случилось там, возле шатров.

Тот принялся рассказывать, и старейшины с ужасом поглядывали то на Сильвера, то на Ферруна.

Усадив раненого на относительно чистый кусок ковра, Феррун быстро сломал и выдернул одну за другой стрелы из плеча Сильвера, тут же залечивая каждую рану. Все, кто был живой в шатре, с изумлением смотрели, как под руками странного воина исчезали все следы кровавых ранений.

Закончив, Феррун положил руку на голову Сильвера, и тот почувствовал небывалый прилив сил.

– Спасибо, без твоего вмешательства меня уже везли бы к южакам в восточный кулуз, к этому Берик-хану, – Сильверу хотелось одновременно петь, плясать и есть, причем голод преобладал над всеми остальными.

– Повезло тебе, стрелы не были отравлены. – Феррун внимательно осмотрел вытащенную из тела Сильвера последнюю стрелу. Бросив ее, повернулся к старейшинам: – Вы знаете, что все местные жители убиты? – громко спросил он на их языке, глядя на почтительно поднявшихся под его требовательным взглядом имгардцев. – В живых остались только вы. Тех, кто напал на стойбище, убил я. – И спросил уже по-термински у Сильвера: – Я правильно понял, это была ловушка для тебя?

Сильвер кратко перечислил все, что с ним случилось. Выслушав его, Феррун только хмыкнул. К нему подполз крючконосый и, жалостливо застонав, протянул покалеченную конечность, прося исцелить.

– Чего ради я буду тебя лечить? – возмутился Феррун. – Это же из-за тебя погибло столько женщин и детей. И ты же еще просишь о снисхождении?

– Меня подло обманули! – взвыв имгардец.

– Тебя просто подкупили, – презрительно поправил его Тиммис. – Сколько ты получил за то, что провел врагов по нашим землям?

– Я не проводил никаких врагов! – взвыв крючконосый.

Феррун сделал шаг вперед и склонился над ним. Сильверу показалось, что под камзолом у него появился синий огонек. Это так сверкает амулет?

– Сколько ты получил за измену собственному народу? – тихо спросил он.

Все замерли, вмиг окутанные невероятным ужасом. Даже Сильвер передернулся, ощущая неприятное оцепенение. Имгардец взвыв и попытался отползти от страшного терминца, но не смог. Заикаясь, ответил:

– Десять скакунов.

– За что? – глаза Ферруна не отпускали предателя.

– Я договорился с вождями всех кланов, по землям которых беспрепятственно прошли южаки. – Взглянув на насупившегося Тиммиса, торопливо оправдался: – Но вожди мне помогали добровольно Каждый из них получил неплохой бакшиш от южаков и очень верно решил, что дружеский союз с теми, с кем сражались еще наши предки, нам не нужен.

Мужчины охнули. Из взволновало не количество полученного, а само предательство тех, кому все доверяли.

– Ты же старейшина! – возопил один из них. – Как ты мог? Из-за тебя погиб целый клан!

Имгардец затараторил, не желая принимать вину в столь ужасном преступлении:

– Берик-хан сам пообещал мне неприкосновенность наших людей! Я ему поверил, но он меня обманул! А я всего лишь хотел стать богатым, чтоб купить себе юную красавицу из Терминуса, ведь они недешевы, – добавил он, не в силах сопротивляться требовательному синему огню, льющемуся из глаз допрашивающего.

Сильвер сжал кулаки. Он и раньше знал, что за их женщинами шла настоящая охота, но услышать подтверждение из уст этого мерзкого гада было отвратительно.

– Сколько получили вожди тех стойбищ, что пропустили южаков через свои земли? – Тиммис тоже навис над предателем, с трудом сдерживаясь от неистового желания ударить его сапогом в крючковатый нос.

– Столько же, – слезливо признался предатель. – Они просили больше, но Берик-хан не дал.

– Кстати, а где этот хан? – Сильвер посмотрел на Ферруна.

Тот привычно фыркнул.

– Лежит связанный у входа. Я оставил его в живых. Одного из всех южаков. Делайте с ним, что хотите, мне все равно.

Старейшины отшатнулись от него в едином порыве.

– А скольких ты убил? – Сильвер спросил это только для того, чтоб имгардцы прониклись значимостью содеянного Ферруном.

– Я их что, считал был должен? – как и ожидал Сильвер, Феррун тотчас взбунтовался. – Понятия не имею. Вон пусть эти и считают. – Он кивнул на имгардцев, следящих за ним со священным трепетом.

– Что ты будешь делать? – Сильвер демонстративно сказал это Тиммису по-имгардски, проигнорировав старейшин и давая им понять, что признает вождем только его. – Весь клан вырезан.

– Это не мой клан, а этого, – он указал на валяющееся в луже запекшейся крови тело мужчины в красном сарукане. – Но хоронить их придется тем, чьи стойбища стоят рядом, в том числе и моим людям.

Сильвер знал, что для степняков это довольно просто – вырыли общую могилу, скидали туда трупы, спели погребальную песню – и забыли. Именно так они хоронили павших в боях воинов.

– Светает, – Феррун накинул на голову свой черный капюшон, закрыв лицо и став похожим на выходца из преисподней, еще больше напугав и без того перепуганных имгардцев, – нам пора.

Сильвер кивнул и снова обратился к Тиммису.

– Слушай, дружище, если все-таки надумаешь заключить с нами союз...

– Почему надумаешь? – твердо сказал он. – Я готов хоть сейчас принести клятву верности от своего клана. Мой старейшина, – он с пренебрежением расширил ноздри, указав на лежавшее подле выхода из шатра тело, – убит, так что теперь делами клана распоряжаюсь только я. И выбирать больше этих продажных, – он кивнул на крючконосого, так и валяющегося в ногах у Ферруна, – не собираюсь.

Старейшины зароптали, но было достаточно сердито принахмуренных бровей Ферруна, чтоб они замолчали и даже согласно закивали седыми головами.

– Хорошо, – Феррун оценивающе посмотрел на Тиммиса пронзительным взглядом, и у него, отнюдь не трусливого, выросшего в постоянных сражениях воина, по коже пошел боязливый морозец, – принеси мне клятву на моем мече.

Кто-то из старейшин хотел было возразить, что они не дают клятв на чужих мечах, но так и не смог открыть рот.

Феррун обнажил свой меч, сверкнувший в полумраке льдистым отсветом, Тиммис встал на одно колено и поклялся верно воевать со своими соратниками – терминцами против их общего врага – южаков. В завершение клятвы он провел ладонью по острию меча, его кровь окропила голубоватый металл, меч ярко вспыхнул и тут же потух.

Старейшины ахнули, а Тиммис посмотрел на свою ладонь. Она была чиста, пореза на ней не было. Более того, рваный шрам на предплечье, оставшийся от раны, полученной им в свое первое сражение и постоянно мучившей его в непогоду, исчез.

Он поклонился Ферруну и убежденно сказал:

– И все-таки ты – бог! Смертные люди такого не умеют.

Феррун тотчас развеселился.

– Слышал, Сильвер! – он задрал подбородок и высокомерно ухмыльнулся. – Я – бог! А ты меня обзываешь несносным типом и дурно воспитанным мальчишкой.

Тиммис вместе с остальными имгардцами в ужасе уставились на Сильвера, посмеявшегося так называть божество. Тот засмеялся.

– Ты такой и есть, разве не так?

Феррун передернул плечами, не соглашаясь, но и не отрицая. Потом приказал старейшинам:

– Приносите клятвы и вы, раз уж все здесь так удачно собрались.

Тиммис расхохотался про себя, сохраняя на лице маску сурового воина. Вот так влипли эти самоуверенные старикашки! Они же были уверены, что все будет исключительно так, как они хотят. Ведь все они получили богатый бакшиш от южаков и заключать союз с Терминусом не желали.

А сейчас придется. Да еще клятву приносить на этом колдовском мече, заверяя ее своей кровью. А такие клятвы нарушать нельзя, заслушание будет расплачиваться весь род от мала до велика. Это самое страшное наказание для любого имгардца – видеть, как твой народ вымирает, проклятый суровыми богами, и отвечать за это перед предками.

Старейшины поневоле потянулись приносить клятву. Сначала те, кто этого хотел, потом те, кто не противился, последними двое сопротивляющихся изо всех сил. Но преодолеть волю воина, наделенного божественной силой, не смогли, и тоже, как и остальные, окропили меч своей кровью.

– Тиммис, тебе придется разбираться с теми вождями, что пропустили сюда южаков, – напомнил Сильвер. – Это будет сложно?

Тот немного помедлил, обдумывая вопрос, и отрицательно качнул головой:

– Не думаю. Я не стану убирать тела погибших, объявлю общий сбор совета вождей и покажу им, что произошло здесь из-за подлых предателей. И обязательно – убитых детей и женщин, смерть которых на их совести. Не думаю, что после этого они останутся вождями. Да и свои никчемные жизни вряд ли сохранят.

– От каждого клана будет только вождь?

– Нет, с ними приедут все наши военачальники. Так что выбрать новых вождей будет из кого.

Сильвер бы с удовольствием остался и посмотрел, как будет проходить наказание виновных, но это было неосуществимо. Ему и так небывало повезло, он остался жив после самого безрассудного поступка в своей жизни.

– Нам пора, – настойчиво повторил Феррун, с неудовольствием глядя на видимое через огромные прорехи в шатре встающее из-за горизонта яркое степное солнце.

Кивнув, Сильвер пошел к выходу из шатра, хотя вполне можно было выбраться из зияющих дыр. Почему-то ему казалось, что все нужно делать как положено, и он вышел с высоко поднятой головой там же, где и вошел. При свете восходящего солнца стало видно, что вся земля между шатрами усеяна убитыми, имгардцами и южаками вперемешку.

– Пленника брать с собой не будем? – Сильвер кинул взгляд на корчившегося у входа связанного хана.

Тот замер, видимо, поняв, что речь идет о нем, и уставился на них злыми глазами. Феррун небрежно отмахнулся.

– Зачем? Ничего нового он нам не скажет. Не будем отбирать у Тиммиса право на священную месть.

Молнией промчавшись по стойбищу, Феррун вырвал из мертвых тел свои стрелы и вытер их о лоскут главного шатра. Сильвер молча ждал, наблюдая за ним. Тот двигался так быстро, что человеческий глаз был не в силах за ним уследить, его движения сливались в смазанную тень.

Чтобы не быть обвиненным Ферруном в медлительности, Сильвер отвязал своего Ветра от коновязи и сел верхом, понимая, что Феррун вот-вот появится на стоящей рядом не привязанной Агфе. Через пару мгновений Феррун впрямь оказался в седле и взмахом руки указал на выезд из стойбища.

Сильвер опасался увидеть тела детей и женщин, но их не было, тех убивали сонными, в собственных постелях. Не отличающийся сострадательностью Феррун глянул на богато украшенный шатер вождя и безучастно поведаль:

– Перебиты все жители. Я заходил во все шатры, проверял, есть ли там кто из южаков. Все, кто был в шатрах, лежали с перерезанными горлами. Глупцы эти имгардцы! Даже сторожевых вокруг стойбища не поставили.

– Тебе не жаль убитых?

Феррун с удивлением посмотрел на него.

– С чего это вдруг? Ты думаешь, они пожалели бы нас?

Ответить на это было нечего, и Сильвер промолчал, опустив голову.

Они галопом помчались по степи; из-под копыт коней то и дело выскакивали то зайцы, то суслики, попадались и пушистые корсаки; когда подковы задевали камни, летели серебряные искры; солнце заливало радостным светом эту мирную картину, и Сильвер глубоко дышал, наслаждаясь жизнью.

А ведь еще час назад он с этой жизнью распрощался. Благодарно посмотрел на так вовремя появившегося Ферруна. И как только тот предчувствует, где нужен больше всего?

– А как ты узнал, что я могу погибнуть? – он сам поморщился, сказав это. Но что делать, если так оно и было?

Феррун с легким удивлением отозвался:

– Ты сам меня позвал.

– Когда? – Сильвер не мог припомнить ничего подобного.

– Накануне вечером. Пришлось все бросить, немедленно выбираться из катакомб и скакать сюда.

Сильвер в самом деле вспоминал его, но отнюдь не звал.

– Ты сердишься, что я в одиночку пустился в эту авантюру? – виновато спросил, ожидая шквал возмущения.

Но Феррун изумил его еще раз:

– С чего мне сердиться, если все получилось так удачно? Южаки разоблачили себя в глазах имгардцев, те впредь будут умнее и перестанут им доверять. Большая часть верхушки имгардцев, противившаяся союзу с нами, убита, остальные будут отстранены от власти за предательство, а те, кто был в шатре, принесли мне вассальную клятву верности.

– Вассальную? – Сильвер поразился. Подобного он не ожидал.

– Ну да. Мне об этом рассказала Амирель. Она точно так же взяла подобную клятву у своих аристократов. То есть давали они ее Торрену, но принимала-то ее у них она с помощью Секундо. Ну и свое имя добавила в клятву.

Сильвер не знал об этом, Амирель ничего ему не говорила.

Амирель... от этого имени так сильно защемило в груди, что он пошатнулся и до крови прикусил нижнюю губу. Взглянул на Ферруна – тот в темпе коня Сильвера скакал рядом, что для него было слишком медленно.

Сильвер оценивающе прикинул: может, попросить Ферруна, чтоб отдал ему Амирель? Вроде бы у него непривычно мирное настроение...

Или уж лучше не поднимать столь щекотливый вопрос? Никогда не знаешь, как Феррун отреагирует даже на самое простое замечание, а тут все так сложно и тонко. Уезжая сюда, он надеялся, что вдалеке от Амирель, в разлуке, влечение к ней ослабнет, но оно стало лишь сильнее. Сильверу было все равно, девственница она или нет, он ее любил и готов был жениться хоть сейчас, пусть это и вызвало бы неприятные разговоры, но что ему до пустой болтовни?

Феррун полностью спрятал лицо под капюшоном, превратившись в черную безмолвную статую, и Сильвер, решительный и отважный воин, никогда не боявшийся рисковать, утративший говорить с ним про его жену.

Они ехали молча, думая каждый о своем, пока на горизонте не показались башни Ключграда.

– Кому этот город принадлежит? – Феррун впервые видел остроконечные зеленые крыши и невысокую крепостную стену.

– Пока нескию, – Сильвер с трудом отвлекся от печальных дум.

– Почему пока?

– Он стал простолюдином, а Ключград входит в титул.

Феррун требовательно посмотрел на немногословного спутника, и Сильвер принялся объяснять:

– Король Адэлберто, дед первого нескию, пожаловал незаконному внуку титул с именьями, то есть пока есть титул, есть и именья. Ключград в их числе. Наш нескию и сам богат, так что утрата титула с титульными именьями роковой роли для него не сыграло, но состояние ополовинило.

– То есть Ключград уже не его?

– Пока его, отнять у него его никто не решился, даже вопроса такого на совете аристократии не стоял. Он – герой, народный любимец. Но вот к его детям титульные именья не перейдут. Есть много цепких ручонков, которые будут рады их заграбастать.

Ферруну такой расклад не понравился.

– И сделать ничего нельзя?

Сильвер отчего-то принялся неловко оправдываться, будто сам был виновником этой несправедливости:

– Увы, это же указ одного из королей: лишенный дворянства лишается всего, что с этим было связано – и привилегий, и титульных имений.

– Да, вам позарез нужен новый король, – Феррун подбоченился и упер руку в бок, – хотя бы для того, чтоб восстановить нескию в правах. Несправедливо отбирать у человека что-либо за то, что он поступает по чести.

– Я бы тоже многое поменял в наших законах, – согласился с ним Сильвер, – но без короля, ты прав, этого никак не сделать. А ты, случайно, королем стать не хочешь? – спросил у Ферруна с легкой иронией, чтобы посмеяться.

– Зачем мне такая обуза? – негодуяще ответил тот. – Мне нравится жить так, как я живу, и делать только то, что хочу. И терпеть не могу, когда мне приказывают.

– Я бы тоже хотел жить, как ты, – с легкой завистью согласился с ним Сильвер. – Вот только как это сделать?

– Ты рожден, чтоб стать королем, – с неожиданной серьезностью заявил Феррун. – У тебя получится править мудро и справедливо. Подданные тебя будут любить.

– Эээ, нет! – Сильвер выставил вперед руки, будто защищаясь. – На трон я садиться не собираюсь. Я еще жить хочу. А наш вредный трон точно отправит меня куда подальше, как и моего бестолкового братца.

Внезапно среди степи они заметили отряд имгардцев. Они спокойно поехали навстречу, ничего не опасаясь. Через пару минут к ним подлетел с десятков степняков на своих низкорослых мохнатых лошадках.

– А ну стойте! – гаркнул один из них, видимо, старший, с конским хвостом на мохнатой шапке. – Кто вы такие и откуда?

Поскольку Феррун высокомерно молчал, не желая отвечать на столь непочтительно заданные вопросы, Сильвер произнес:

– Мы едем с курултая, на который нас пригласили ваши старейшины. Но должен предупредить – они попали в устроенную южаками ловушку и погибли почти все. Принимающий курултай клан вырезан южаками подчистую, не осталось никого, ни стариков, ни младенцев. И запомните – оставшиеся в живых старейшины в благодарность за спасение и в ужасе от подлого предательства южаков заключили с Терминусом нерушимый военный союз. Так что теперь мы по одну линию обороны.

Старшой пренебрежительно захохотал, не поверив.

– Ну и умеешь же ты брехать! – и замахнулся ятаганом.

Сильвер не успел вытащить меч, как Феррун откинул с головы капюшон.

– А ну, повтори! – с ужасающим спокойствием потребовал он, глядя на имгардца в упор, и у того выпал ятаган из ослабевшей руки.

– Ооо... – взвыли имгардцы все разом, отъезжая на безопасное расстояние. – Простите нас, господин, мы не знали.

– Езжайте к стойбищу и посмотрите на все своими глазами, – холодно посоветовал им Сильвер. – И передайте мои слова всем, кого встретите по дороге.

Имгардцы неловко поклонились и ускакали. Снова набросив капюшон на голову, Феррун свирепо побормотал:

– Интересно, и почему я не снес ему голову?

– Может быть, потому что ты вырослешь, Феррун? И чужая кровь больше не кажется тебе забавой? – иронично спросил Сильвер, пуская коня крупной рысью.

Феррун промолчал, но Сильвер и не ждал ответа.

Через пару часов они подъехали к первой заставе терминцев. При виде их суровые воины опустили мечи и с облегчением расслабились.

– Ваша честь, ну и переполох же вы устроили, – укоризненно произнес десятник. – Вас где только не искали.

– Это была не моя тайна, – усмехнулся Сильвер. – Но зато могу вас порадовать: имгардцы больше не будут с нами воевать. – Про военный союз говорить не стал. Кто их знает, этих степняков? Как им верить, если ни одно из прежних обещаний, данных торжественно и клятвенно, выполнено не было? Поэтому он осмотрительно добавил: – По крайней мере, в ближайшее время.

– То есть вы ездили к ним? Только вдвоем, без охранного отряда? – воины негодуяще уставились на них.

Сильвер их негодование вполне понимал. Он бы тоже разозлился, если б его начальник повел себя столь безответственно.

– Пришлось, – кратко ответил он и поехал дальше, догоняя усакавшего далеко вперед Ферруна.

Оставшиеся воины приняли спорить, судят или нет победителей, а Феррун с Сильвером подъехали к следующей заставе, где все повторилось. До Ключграда таких оказалось пять. Сильвер поневоле призадумался – как это ночью он их умудрился все миновать? Или его вела сама судьба?

Поразмыслить об этом не удалось, в городе им навстречу вышел весь его отряд вместе с соратниками нескио.

– Сильвер, ты жив! – с облегчением воскликнул сэра Литл. Впрочем, облегчение тут же сменилось досадой. – Если б я мог, выпорол бы тебя как непослушного мальчишку!

– Нет, не надо, – засмеялся Сильвер, спрыгивая с коня и передавая уздечку подбежавшему конюху. – Не подрывай мою славу великого полководца. Разве их можно пороть! Лучше пригрози выпороть Ферруна, а то его имгардцы вообще за божество держат, скоро поклоняться начнут!

– Что ты, с нашим Ферруном ни один человек в здравом уме связываться не будет, – осмотрительно понизив голос, заявил сэра Литл, – я еще жить хочу. Но где вы были? – уже серьезно спросил он, глядя на грязный, весь в заскорузлой крови, кафтан Сильвера с продырявленным рукавом.

В ответ тот указал на уйму любопытствующего народа, стоявшего вокруг.

– Пойдемте в дом, я все расскажу, – позвал он полководцев и спросил у Ферруна, достаемого желтоватый свиток из седельной сумки: – Ты с нами?

– Нет, мне некогда! – буркнул тот, одним прыжком взлетая на крышу дома и скрываясь в огромной трубе.

– Свят-свят-свят, – большинство взрослых мужчин, отважных воинов, принялись креститься.

– Это не человек, – убежденно заявил граф Альерде, – это сам дьявол.

– Пока он за нас, я готов дружить и с самим дьяволом, – опрометчиво заявил Сильвер.

Не дав ему продолжить, к нему подошли члены его отряда во главе с Алонсо.

– Сильвер! Где ты пропал?! – у Алонсо были красные от недосыпа глаза и бледное лицо. – Мы искали тебя всю ночь!

– Пошли с нами, – велел им Сильвер. – Говорить посреди улицы не будем.

В большую комнату, где обычно проводил совещания нескио, набилось человек пятьдесят, желающих послушать своего предводителя. Сильвер подробно рассказал все, что с ним приключилось ночью.

– Ты считаешь, имгардцы выполняют свою клятву? – раздумчиво сказал сэра Литл. – Такого за ними отродясь не водилось.

Сильвер досадливо вздохнул.

– Я не знаю, могу только надеяться. Видишь ли, клятву давали старейшины, но Феррун сказал, что после сам примет вассальную клятву и от вождей.

– Ты это серьезно? – повторил граф Альерде и громко расхохотался. – Ну и наивные же вы! Я бы еще поверил в клановую клятву, которую они с легкостью нарушают, но вассальную? Да она для них вообще ничего не значит!

Сэра Литл не смеялся.

– А почему клятву принимал Феррун? – недовольно спросил он, по-птичьему склонив голову набок. – Почему не ты, Сильвер, как представитель наместника и глава войск Терминуса?

Укоризненно передернув плечом, Сильвер со смешком заметил:

– А я не воинственный божок, чтоб мне клятвы давать. Я простой воин. Мне в воинской славе с Ферруном не тягаться.

Но сэр Литл не принял шутливого тона.

– Они дали клятву ему, и ему же будут подчиняться. А если он вздумает захватить власть у нас в стране? Мы сможем этому сопротивляться?

Ответ Сильвера всех обескуражил:

– Я и сам предлагал ему стать нашим королем, и Беллатор тоже. Но ему этого не надо, он желает быть свободным от любых обязательств.

– Феррун – король? – дружно возмутились все, кто хоть чуть-чуть испытал на себе капризный нрав Ферруна. – Да это же будет конец света!

Сильвер сказал уже с силой, заставив всех вспомнить, кто тут главный:

– Феррун все делает правильно. Я давно убедился, что его ведет счастливая звезда.

– Тебя тоже, – справедливости ради добавил Алонсо.

Сэр Литл остановил их резким взмахом ладони.

– Я поверю в клятву степняков только тогда, когда на выделенной для имгардцев земле появятся шатры всех их кланов, а с нами в один ряд встанут их воины.

– Мы все этого ждем, но не сильно надеемся на подобные чудеса. – Граф Альерде посмотрел в окно на виднеющуюся вдалеке слишком низкую крепостную стену Ключграда. – Если имгардцы начнут штурм, этот город нам не спасти. Вряд ли мы выдержим их напор в чистом поле, слишком уж их много, придется снова отходить.

Этого не хотел никто.

Поздней ночью, когда все разошлись, перед Сильвером появился Феррун. В комнате горела одна тоненькая свечка, поэтому накидывать на лицо капюшон Феррун не стал, поглядывая на собеседника синим взглядом.

– Не спишь? – спросил Сильвер, до сих пор чувствуя себя после лечения вполне бодрым. – Есть хочешь?

– Есть хочу, спать – нет. Я спал днем. Мне ночью думается лучше, – Феррун развалился на мягком диване и неожиданно признался: – Хочу посоветоваться. Лучше бы с Беллатором, но раз его нет, то можно и с тобой. – Он взял лежащее на столе яблоко, сумрачно на него посмотрел и смачно захрустел.

Сильвер позвонил в сонетку и велел пришедшему на вызов заспанному слуге подать что-нибудь перекусить, весело смеясь про себя – его только что сравнили с тем самым раком, который хорош только тогда, когда рядом нет настоящей рыбы. Но сам факт того, что Феррун вздумал советоваться, дорогого стоил. Неужто он в самом деле умнеет и взрослеет?

Слуга принес на одном блюде несколько пластов ветчины, хлеб, вино, холодный мясной пирог. Феррун принялся за еду, запивая разбавленным вином. Наевшись, подал Сильверу свернутую рукопись и приказал:

– Посмотри повнимательнее.

Тот осторожно развернул старинный пергамент и взгляделся в ровные строчки на незнакомом языке.

– Извини, но ничего странного я не вижу, если не считать того, что еще и ничего не понимаю, этот язык мне незнаком, – сконфуженно признался, свернул рукопись и вернул ее Ферруну. – Насколько я понимаю, это та самая, что ты нашел в тайнике в хранилище и из-за которой бесновался сэр Шриб?

Феррун презрительно фыркнул, дернув ногой.

– Этот дурень меня достал. Как увидит меня, так ноет, чтоб я ему вернул свиток. А для чего он ему? Мало того, что его нашел я, то есть имею на него все права, так он еще и прочесть его не может. Вот почему этот старикашка такой занудный, а? И как от него избавиться?

Сильверу стало смешно.

– Вот когда у нас появится любящий справедливость король, вот тогда мы и избавимся от всех этих слишком много о себе мнящих ничтожеств из знатных родов, что получают синекюры по наследству. Но все-таки, о чем ты хотел со мной поговорить?

Феррун быстро пощелкал пальцами.

– Я не могу попасть в подземелье. После обвала, устроенного той безмозглой служанкой...

– Антией? – вспомнил ее имя Сильвер.

– Мне все равно, как ее звали, – Феррун махнул рукой, требуя, чтоб его не прерывали, и Сильвер замолчал, внимательно слушая. – Так вот, я не могу попасть в подземелье. А мне нужно непременно выяснить, что за дракон спит под землей.

Сильвер задумчиво почесал кончик носа.

– Антию вела крыса. Вряд ли ты сможешь пробраться по катакомбам куда хочешь без подобного проводника.

– Я уже думал об этом. Как ты знаешь, Амирель умеет договариваться с животными, крысы не исключение, но для этого нужно четко представлять то, что от них нужно. А она не знает, что им приказать.

– Да уж, – сочувственно протянул Сильвер. – Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

– Вот именно! – Феррун оценивающе посмотрел на бутылку с вином, но пить больше не стал. – Так что крысы отпадают. И как туда пробраться, не представляю. И еще – ты не видишь, но на свитке прочерчены какие-то странные полосы, похожие то ли на план, то ли на какую-то схему. И что это может быть, никак не разберу.

Сильвер позавидовал остроте зрения Ферруна. Сам-то он никаких линий на старом пергаменте не разглядел. Вообще этот разговор был странным, будто он беседует не с нетерпеливым и самолюбивым Ферруном, всегда всё знающим лучше других и не признающим ничьих советов, а к кем-то другим, с кем вполне можно спокойно поговорить, обсудить непонятное и даже до чего-то умного договориться.

– Подземелье, по которому мы ходили, располагается не только под королевским дворцом, оно проходит под парком, потом под королевской площадью, а, вполне возможно, и гораздо дальше, там, где мы не были, – пришло ему в голову. – Возможно, вход есть откуда-то оттуда? Возможно даже, из окрестных домов?

Феррун сел прямо, что-то прикидывая.

– А где в Купитусе королевские усыпальницы?

– Королевский некрополь? – Сильвер напрягся. Вид Ферруна, крушащего королевские саркофаги в стремлении найти вход в подземелье, ему категорически не понравился. – Он неподалеку от дворца и почти не охраняется. Считается, что королевскую усыпальницу никто трогать не станет, это же святыня.

– Но кто-то же ее тронул, судя по твоему скептическому тону, – Феррун откинул голову и отвернулся, защищаясь от света горевшей рядом с Сильвером свечи.

Тот подосадовал на себя. За голосом нужно следить тщательнее, ведь в пронизательности Ферруну не откажешь.

– Было дело, – нехотя признал он. – Это записано в летописи. Дело в том, что саркофаг последнего короля был вскрыт лет триста назад. Тела в нем не оказалось, видимо, это кенотаф, символическая могила, но кое-какие драгоценности из некрополя все-таки пропали. Поскольку это было мерзкое святотатство, то грабителей с помощью жителей нашли быстро.

Так вот воры клялись, что после вскрытия саркофага из него вылетело какое-то облачко, а сам он оказался совершенно пустым.

– Облачко? – Феррун похрустел сильными пальцами, разминая их. – Откуда в выточенном из цельной каменной глыбы саркофаге возьмется облачко? Значит, там есть отверстие, из которого дует. Нужно это выяснить. Пустой же саркофаг означает, что тело Адэлберто Седьмого захоронено где-то в другом месте. Примум был его амулетом, так не захоронен ли он вместе с королем? Но вот только где же мне его искать?

Сильвер нахмурил брови, стараясь уловить ускользающую мысль. Казалось, отгадка лежит на поверхности, вот-вот, и он все поймет, но ее скользкий кончик никак не давал себя изловить.

– Когда ты думаешь уезжать? – спросил он, давая голове отдохнуть. Часто так бывало: если отпустить неуловимую мысль и начать думать о другом, та возвращалась уже вполне осознанной идеей.

– Как приму вассальные клятвы у всех вождей и тех старейшин, что не были на курултае. Надеюсь, это случится не дольше чем через пару дней, я тороплюсь, времени на розыски остается все меньше и меньше. Скоро южаки поймут, что чужими руками воевать больше не придется, и начнут действовать.

Сильвер хотел сказать, что два дня для имгардцев слишком мало, ведь на земли, отведенные для них, должны будут переехать все кланы, а это тысячи и тысячи шатров одних только семейств весьма плодovitых степняков, да и быт на новых незнакомых местах обустроить тоже весьма непросто.

Но через два дня имгардцы уже поставили шатры, и в Ключграде собрались все вожди и старейшины новых союзников. Главным вождем был избран Тиммис. Увидев Сильвера, он подошел к нему, желая поклониться, но Сильвер обнял его, как брата. Заметив такое почтение к их представителю, вожди и старейшины подтянулись и стали выглядеть куда увереннее.

На вопрос, есть ли здесь те, кто продал свой народ за пару лошадей, Тиммис мрачно сообщил, что подлецы, для которых нет ничего святого, кто виновен в смерти женщин и детей, не заслуживают погребения. Их тела сейчас жрут степные волки. Сюда пришли новые вожди, для которых главное – сберечь свой народ.

– Я думал, вас гораздо больше, – Сильвер не понимал, как можно с такой быстротой перевезти все стойбища.

Тиммис помрачнел.

– Нас и было гораздо больше. Но когда наши гонцы отправились к граничащим с южаками стойбищам, тем самым, что пропустили врагов на курултай, их не оказалось. Они просто исчезли. И никаких следов, будто никого там и не бывало.

Сильвер молча склонил голову. Говорить, что так же, как и исчезнувшие кланы, были бы уничтожены и все остальные имгардцы, не стал – это было ясно всем, даже тем, кто противился союзу с Терминусом.

Феррун торопливо принял клятву у вождей и немногих оставшихся в живых старейшин из тех, кто не приезжал на курултай, и тут же ускакал, а Сильвер с военачальниками поехал осматривать новое войско. Ехавший рядом с ним сэр Литл восторженно делился своим впечатлением от пережитого:

– Клятва на колдовском мече весьма впечатлила всех, и имгардцев, и наших воинов. Особенно эти синие искры и то, что после окропления меча клятвенной кровью ни у кого не осталось шрамов от порезов. Мне даже самому захотелось принести Ферруну вассальную клятву, чтобы почувствовать, что же это такое.

– Вполне возможно, что наступит время, когда мы все дадим ему такую клятву, – твердо произнес Сильвер. – Думаю, что придет оно гораздо быстрее, чем мы думаем.

Глава вторая

Нескио до сих пор не мог прийти в себя от удивления. Его милая простая Агнесс – законная наследница герцога Ланкарийского! И теперь, подчиняясь указу короля, он тоже герцог, как супруг последней представительницы рода!

Это походило на сказку. Он давно смирился с потерей титула и дворянских привилегий, и даже представить себе не мог ничего подобного. Никогда не интересуясь интригами и кознями, он даже забыл, что основным наследником герцога – девочка!

Агнесс тоже была растеряна и выглядела совершенно разбитой свалившимися на нее новостями. Нескио было до боли жаль жену. Возвращенная память настолько вышибла ее из привычной колеи, что звать в свой дом приемную семью Агнесс – купцов Амегетти, и расспрашивать их о том времени, когда у них жила девочка по имени Селина, пришлось ему самому. Агнесс хотя и обняла свою приемную мать, но не в состоянии была произнести ни одного слова, и лишь молча плакала, беспрерывно утирая слезы с побелевшего лица.

Достоинно отблагодарив Амегетти, пригласив их без стеснения навещать его с Агнесс, когда им будет удобно, нескио проводил их и вернулся к неотложным делам. Роуэн с таким рвением передал Агнесс титул прямо в зале заседаний, что большинство из дворян сочли его попросту сумасшедшим.

Но нескио хорошо его понимал – ведь он и сам так же страстно любил женщину. Только ему повезло гораздо больше – его любимая была его женой, он мог обнять ее, заглянуть в дорогие глаза, признаться в любви и услышать в ответ сокровенные слова, главные в своей жизни.

Ему предстояла уйма работы – восстановление титула нескио и возвращение под свою руку нескольких уже отошедших от него титульных имений. А также официальное торжество в честь восстановления титула герцога Ланкарийского, прием его земель, весьма немаленького состояния и всех принадлежащих титулу имений. На это уйдет не один месяц, а где взять время?

Неделя, выделенная ему Сильвером, уже прошла, из новобранцев и тех раненых, что набрали силу после лечения Амирель и Ферруна, составили несколько сотен готовых к сражению воинов. Ему пора было возвращаться обратно в Ключград, но до боли в сердце не хотелось оставлять жену и маленького сына.

Беллатор, которому он доложил о своем намерении ехать обратно на поле брани, был против.

– У вас сейчас другие, не менее важные дела, герцог.

Это обращение было непривычно нескио, раздражающе резало ухо, и он попросил:

– Зовите меня по-прежнему, ваша честь. Это моя жена герцогиня, и сын будет герцогом, а я родился и умру нескио. Пусть мой родовой титул ниже герцогского, но он полностью мой и стыдиться его у меня нет причины.

Согласившись с ним, наместник продолжил:

– Сильвер вполне справится без вас еще недельку, тем более что к нему на подмогу внезапно отправился Феррун. А вы очень нужны здесь. Пока с юга приходят благоприятные вести, оставайтесь. Имгардцы сидят тихо, так что время у вас для устройства своих дел еще есть.

Это было хорошо, но нескио все равно каждую ночь терзали беспокойные сны о бесконечных сражениях и ныли старые раны.

Агнесс, наотрез отказавшаяся называться давно позабытым ею именем Селина, тоже тревожила его. Она плакала украдкой, страдая от горьких воспоминаний, и ему пришлось убеждать ее, что, не сложись все так, как сложилось, они бы никогда не встретились и не доказали бы друг другу силу своей любви.

Она немного успокоилась, но ее охватили другие сомнения и заботы: ну какая из нее герцогиня? Она же ничего не знает и не умеет! И если прежде к ней, как к жене простолюдина, никто никаких претензий не предъявлял, попросту игнорируя ее существование, то теперь самые знатные дамы королевства рвались нанести ей визиты, стремясь заверить в своей почтительности.

Агнесс же была уверена, что приедут они только затем, чтобы посмеяться над ней. И нет никого, кто бы мог научить ее, как ей подобает себя с ними вести. Она читала книги по этикету, но они были такие запутанные, чопорные и малопонятные, что у нее попросту опустились руки.

Нескио задумался. Все опасения Агнесс были верны. Его жена отчаянно нуждалась в наставнице, которая могла бы рассказать ей все, что должна знать знатная дама и чему в аристократических семьях девочек учат с раннего детства.

На ум ему пришло только одно имя – Фелиция. Конечно, настоятельница была очень занята, ведь монастырь требовал ее неустанного попечения, но неужели она не сможет уделить Агнесс хотя бы по часу в день своего драгоценного времени?

Он поехал к Фелиции, надеясь на ее согласие, и получил его. Но она опасалась выходить за пределы монастыря, и они договорились, что Агнесс сама будет приезжать к ней и учиться всему, что нужно, по два часа в день.

Но в первый день Агнесс вернулась уставшей и бледной только через четыре часа, потому что монахини, происходившие из дворянских семей, с удовольствием поделились своими знаниями с недавно признанной герцогиней.

Нескио, почувствовавший себя за эти часы отчаянно одиноким, на следующий день уговорил супругу остаться дома. Они мирно сидели в будуаре Агнесс, любясь своим малышом и слушая рассказ одного из воинов о степняках, их нравах и обычаях, когда внезапно прискакал посыльный от Беллатора.

Нескио стремительно поднялся, резко побледнев. Испуганная Агнесс тоже вскочила, прижав руки к сердцу. На границе снова началось сражение? Ему нужно немедленно ехать? После почти полумесяца спокойной радостной жизни эта весть показалась такой зловещей, что Агнесс поникла и не смогла сдержать слез.

– Вы не знаете, что случилось? – спросила она у секретаря Беллатора, приехавшего за супругом, пока нескио торопливо переодевался в придворный костюм.

– Приехал Феррун. Он сообщил, что с имгардцами заключен военный союз. Сильвер останется там еще на месяц, чтобы укрепить оборону, ведь теперь имгардцы будут воевать на нашей стороне.

У Агнесс от облегчения закружилась голова и она обессиленно присела на край кресла, чувствуя, что ее не держат ослабевшие ноги.

– А кто добился заключения этого союза? – спросила она, испытывая горячую благодарность. – Сильвер?

– Этого я не знаю. Феррун сказал немного и велел срочно вызвать вашего супруга и Роуэна. Для чего, не сообщил.

Провожала Агнесс своего любимого уже спокойно, весть о том, что он останется дома на неопределенное время, обрадовала ее до счастливого румянца.

Приехав к дворцу, нескио застал у входа Роуэна, прибывшего немного раньше. Они вместе прошли к кабинету Беллатора, где их нетерпеливо поджидал непривычно мрачноватый Феррун.

Рассказав обо всем, что случилось во время его поездки в Ключград, Феррун предупредил:

– Это только передышка, что вы и сами знаете. Я проехал ночью по степи за кордоны имгардцев и ужаснулся – там стоят тучи южаков. Их так много, что страшно смотреть. И это

лишь малая часть их войска. Сколько же их вообще, даже не представляю. И с ними нет ни женщин, ни детей. Только вооруженные до зубов воины.

– То есть спасти нас сможет только чудо, – с болью в сердце сказал сразу подумавший о своей семье нескио.

– Да, – жестко подтвердил Феррун. – Только чудо. Но я позвал вас не для того, чтобы говорить о том, что вам и без того известно. Мне нужна ваша помощь. Я хочу спуститься в подземелье, но из дворца хода туда нет, он завален. Возможно, есть еще один, но где, никто не знает. Сильвер рассказал мне о пустом саркофаге последнего короля, я хочу его осмотреть. Меня удивило признание грабителей, вскрывших саркофаг, о странном вылетевшем из него облачке.

Внимательно слушавший его слова Беллатор вмиг все понял.

– Облако пыли может подняться только потому, что в саркофаг был доступ воздуха извне, то есть облако вынесло сквозняком? Ты так считаешь, Феррун?

Феррун, Роуэн и нескио враз кивнули в знак согласия.

– Подземный ход, – раздумчиво сказал нескио. – Вот только куда он ведет? Может быть, вовсе не в подземелье?

– Это я и хочу выяснить, – Феррун прошел по кабинету, заложив руки за спину. Спасаясь от яркого солнца, светившего в окно, он накинул на лицо черный капюшон. Его высокая гибкая фигура отбрасывала на ковер змеиную тень. – Но идти в усыпальницу один не хочу. Вы лучше меня знаете, где королевский некрополь. Если мы пойдем туда все вместе, меньше будет вопросов. Но сразу предупреждаю – если мы найдем ход, пойду в него я один. Вы мне будете только мешать, пользы от вас все равно никакой.

Мужчины переглянулись и безмолвно согласились. Им за Ферруном не угнаться, как бы они ни старались, в этом все давно убедились.

– Что тебе нужно взять с собой? – деловито спросил Беллатор.

– Оружие у меня есть, достань веревку с крюком для лазания по скалам, вдруг понадобится. Пригодился бы еще кинжал с камнем, предупреждающем об опасности, что Агнесс взяла у графа, но я не хочу ждать, когда его привезут. Вообще-то надо бы сгонять в замок Контрарио, взять побольше мечей и посмотреть, что там еще есть интересного, но этим я займусь позже.

– Граф уехал в свой замок, – предупредил его Беллатор. – После истории с Агнесс он опасается ареста за похищения людей, а там его никто не достанет. Граф Контрарио раздражен и опасен. Не стоит лезть в его пасть.

– Я его не боюсь, это он меня боится, – с привычным бахвальством ответил Феррун. – Просто сейчас мне не до него. Если повезет, то я все-таки выясню, что это за дракон, где он спит, и какой от него прок.

– Только не буди его, очень тебя прошу, подумай о том, что будет, если он вырвется из-под земли, дракон ведь огромен и вполне может снести полстолицы, – полусхотливо-полусерьезно попросил его Беллатор. – Но мне придется вызвать Крису, ведь где взять нужное тебе снаряжение, я не знаю. Ты не против?

Феррун небрежно передернул плечами.

– Мне все равно. Главное, чтоб мне никто не мешал, – и он пошел к камину, распорядившись на ходу: – Я за оружием и плащом. Встретимся на площади у главного портала. Не медлите!

Мужчины остались одни. Посмотрев на свой роскошный придворный наряд, нескио поморщился.

– Зря я так вырядился. Лазить по сомнительным местечкам лучше в чем попроще.

Роуэн указал на себя.

– Мне и в голову не пришло наряжаться. – На нем было простое черное одеяние, как обычно. – Когда зовет Феррун, никогда не знаешь, что ему понадобится.

– В следующий раз буду умнее, – развел руками нескио.

Решив, что сам он одет достаточно скромно для вылазки в королевский некрополь, Беллатор велел вызвать Криса.

– То, что задумал Феррун, очень опасно, – нескио представил невероятную толщу земли над головой и зябко поежился.

– То, что он делает, всегда очень опасно, – разумно изрек Роуэн. – Но, как ни странно, он все еще жив.

В кабинет вошел запыхавшийся Крис.

– Вы меня звали, ваша честь? – он улыбнулся и приветственно поклонился гостям. Те ответили ему любезными поклонами.

– Крис, быстро принеси крепкую веревку с крюком, из тех, что используют для подъема на высоту, – попросил его Беллатор. – Мы будем ждать тебя у главного портала.

Тот убежал, а тройка верных соратников медленно вышла из дворца. Феррун появился одновременно с Крисом. Забрав у него веревку, закинул на плечо и первым стремительно пошел к конюшням. Все остальные под любопытными взглядами стражников и прогуливающих по площади придворных отправились следом, вынужденные чуть ли не бежать. Велев оседлать коней, принялись негромко переговариваться.

– Пешком идти долго? – Феррун притопывал ногой от нетерпения.

– Не то, чтоб очень долго, – Беллатор безмятежно смотрел вокруг, наслаждаясь краткой передышкой от заваливших его государственных дел, – но час быстрым шагом потратим.

– Это мы час потратим, – хохотнул Крис, – а ты, Феррун, вполне добежишь и за пятнадцать.

Тот кивнул, ничуть в этом не сомневаясь.

– И вообще, зачем тебе лошадь? – продолжал глуповато подшучивать над ним Крис. – Ее же кормить надо, ухаживать за ней. А ты и без лошади можешь передвигаться так же быстро, как и на ней.

– Моя Агфе очень умная, – Феррун не остался в долгу. – И глупостей не говорит. Не то что ты.

Мужчины засмеялись, искоса поглядывая на раздосадованного начальника королевской стражи.

– Обратно я с вами не поеду, – предупредил их Феррун. – Агфе приведите к конюшне и пустите в табун на лужок, пусть пасется, не хочу, чтоб ждала меня где попало. Когда я вернусь, не знаю. Где – тоже не знаю. Если вдруг не вернусь, искать меня не нужно, это бесполезно.

После этих слов все помрачнели, но промолчали, зная, что уговоры не помогут. Да и кто кроме Ферруна в состоянии справиться с таким сложным делом? Среди них столь безрассудных смельчаков не было.

Конюхи подвели оседланных коней, и небольшая кавалькада отправилась мелкой рысью по парковой аллее к восточному предместью. В этой стороне Феррун еще не был, и с интересом разглядывал окрестности. Широкие прямые аллеи плавно уходили вдаль, затененные огромными столетними деревьями. Большинство стояли голые, сбросив листву, но вечнозеленые кипарисы яркими свечками выделялись среди зимнего сероцветья.

Они миновали несколько застав, и на каждой стражники провожали их долгими любопытствующими взглядами, ведь когда еще доведется увидеть вместе всю правящую верхушку Терминуса. Но вот их дорогу пересекла высокая ограда. Выехав из калитки, возле которой стояла пара стражников, они попали в довольно густой лесок, неухоженный и заросший высокой травой.

Узкая тропка, по которой кони могли пройти только друг за другом, прямой стрелой пролегла по неудобие. Перекликаться через головы лошадей было неудобно, и скоро все замолчали, отдавшись быстрой рыси.

Через некоторое время в проблесках ветвей стали мелькать черные крыши прямоугольных строений, и Феррун догадался, что они подъезжают к кладбищу. За чугунным забором, который они миновали, открыв приземистую скрипучую калитку, высилось несколько внушительных мемориалов.

На ухоженном кладбище царила торжественная тишина, сорняков и грязи не было, возле склепов из мрамора и гранита стояли вазоны со свежими цветами. Королевский некрополь был виден издали – он высился посередине большой площади, сверкая на солнце белым мрамором с серыми прожилками, напоминающими раскрывшиеся диковинные цветы.

Оставив коней возле изгороди, мужчины уверенно направились к нему с задней стороны. Беллатор подергал неприметную дверь, она оказалась заперта.

– Вот незадача! – сердито пробормотал он. – Ключа у меня нет. Мы приехали без предупреждения, служащие живут рядом с главным входом, придется ехать туда.

– Мы приехали с черного? – Феррун внимательно посмотрел на замок. – И что, теперь разыскивать того, кто это откроет? А потом будет трепаться о нас на каждом углу, гадая, что мы тут потеряли? Небось не каждый день здесь появляются главные люди страны одновременно.

– Да, привлечь внимание не хочется, – Беллатор снова сердито потряс дверь. – Можно попробовать пробраться с главного входа, но он тоже должен быть закрыт. Посторонним и любопытствующим здесь делать нечего.

Все растеряно переглянулись. Феррун уже посмотрел на дверь, оценивая крепкость, намереваясь ее просто выбить, но тут к двери подошел Роуэн. Достав из кармана какую-то тонкую железку, он поковырял ею в замке, и дверь медленно распахнулась.

– Сколько же в тебе воровских талантов, – Крис со слегка ироничным уважением посмотрел на соратника, – завидую.

– Плоды прошлой бродячей жизни, – Роуэн несколько смутился от сомнительной похвалы. – Но этими умениями я давно уже не пользуюсь. Но и не забываю. Никогда не знаешь, что может пригодиться в нашей непростой жизни. Вот как сейчас, например.

Замолчав, они почтительно склонили головы в знак уважения к почившим королям, и медленно вошли под своды усыпальницы. Их осторожные шаги гулко отдавались в пустынном помещении. Внутри высились внушительные саркофаги королей прошлого. В глухих стенах окон не было, и шедший последним неслию оставил дверь широко открытой, чтобы свет хоть немного освещал внутренности траурного зала.

Он был огромен. Строгие саркофаги из пурпурного порфира занимали от силы его пятую часть, остальное пространство было свободным.

– Да, с размахом построено, с расчетом на десятки, если не сотни, потомков, – громко сказал Феррун, не испытывающий никакого почтения к мертвым королям. – Но что внизу, в крипте? – от его звонкого голоса по некрополю промчался осуждающий гул, упавший где-то за дверью.

Беллатор ответил гораздо тише:

– Этого никто не знает. Королевский род угас, унеся с собой свои тайны. Вниз никто не спускался, это запрещено указом последнего короля.

– Значит, будем узнавать, – и Феррун изучающе постучал по полу ножами меча.

Звук получился глуховатым, со странными раскатами.

– Ты все же поосторожнее, дружище, – взволнованно попросил его Крис. – Короли все были немного колдунами, еще обидятся...

– Я тоже немного колдун, – Ферруна торжественная мрачность окружающего склепа с коронованными мертвецами ничуть не трогала. – Так что обижаться им нечего. Пусть лучше помогают, если могут.

Беллатор с трудом ориентировался в этом огромном мрачном зале. Он был здесь всего-то один раз, в юности, с отцом, показывающим ему могилы королей. Остальным здесь бывать не доводилось никогда.

– А почему тела королей лежат в саркофагах? – тихо спросил Крис. – Разве они не должны покоиться в нижней крипте?

– Не знаю, сведений об этом нет. Внизу покоятся королевы, короли же возлежат здесь, наверху, под этими порфирными надгробиями. А на кладбище возле королевского некрополя захоронены королевские родственники, близкие королям по крови. Правда, последняя королева упокоена по ее желанию там же, в обычной могиле, она не захотела лежать вместе со всеми в холодной крипте. – Говоря это, Беллатор упорно пытался припомнить, что же рассказывал ему отец о последнем пристанище последнего короля.

Чем дальше от двери, тем становилось темнее. Беллатор пожалел, что не взял из дворца какой-нибудь светильник. Идущий за ним Феррун спросил:

– Ты забыл, где находится саркофаг Адэлберто Седьмого?

– Я не вижу надписей, – Беллатор пытался вчитаться в имена королей, высеченных на порфире на древнетерминском языке, но в полумраке не мог разобрать.

– Разве они лежат не по порядку? – нескיו с благоговением смотрел на величественную усыпальницу, ощущая в душе почтительный трепет, это же были и его предки.

– Нет, здесь соблюдается какая-то непонятная система и нужный нам саркофаг где-то посередине второго ряда, но вот с какой стороны, не помню.

– Тогда просто стой на месте, а я прочитаю надписи и найду нужную, – Феррун чуток задрал нос, гордясь своим преимуществом видеть в темноте.

Он понесся читать надписи, а Крис снисходительно пробурчал:

– Вот ведь сущий мальчишка. Где-то он настоящий герой, а где-то просто шалопай.

– Я все слышу! – донесся издали насмешливый голос. – Не думай, что можешь безнаказанно говорить обо мне всякие гадости.

Мужчины беззвучно засмеялись. Это было не к месту, но удержаться они не смогли. Прерывая их веселье, раздался зов Ферруна:

– Вот он! – и он прочел надпись вслух: – Король Терминуса Адэлберто Седьмой. Это же он?

– Да! – подтвердил Беллатор и первым подошел к саркофагу.

Остальные поспешили к нему. Саркофаг последнего короля был установлен почти у самой стены в ряду таких же, как он, и казался монолитом.

– И где здесь крышка? – нескיו провел рукой в тонкой перчатке по боку саркофага. – Я не вижу границы, да и зазора не чувствую, саркофаг кажется вытесанным из сплошного куска камня.

– Вот она, – Феррун осторожно сдвинул крышку, освобождая пространство, достаточное, чтоб ему проскользнуть вниз.

От сдвигаемой крышки раздался резкий скрежещущий звук, и все, кроме Ферруна, вздрогнули. Это скорбное место поневоле навело мысли о тлене и скоротечности земного бытия.

Как и было записано в древних хрониках, из саркофага взметнулось белесое облачко, с минуту постояло перед ними в образе закутанной в саван мрачной фигуры, и медленно растворилось в воздухе. Все невольно поежились, кроме любящего опасности Ферруна.

Заглянув внутрь саркофага, ничего не увидели, там оказалось слишком темно, но не для Ферруна.

– Чувствуется слабенький ветерок, значит, ход есть, как я и предполагал, – Феррун был горд своей догадливостью. Заглянув вниз, недовольно заметил: – Но здесь довольно глубоко. Поставить снизу крышку так, чтоб сверху не было заметно сдвига, я не смогу, просто не дотянусь. Придется это делать вам сейчас. Впрочем, для этого я вас и позвал.

– Зачем закрывать крышку? – возразил нескию. – Вдруг тебе придется возвращаться этим же путем?

– Не хочу вызывать подозрения, если сюда придет кто-то из зрителей. Открыть-то снизу саркофаг я сумею, – беззаботно заверил его Феррун.

Он бесшумно прыгнул вниз. Перегнувшись через край, его спутники безуспешно вглядывались в могильную тьму.

– Здесь пусто, – успокоил их Феррун. – И никогда не было мертвых тел, тленом не пахнет, также как и бальзамическими составами. Король упокоен не здесь. Это в самом деле просто кенотаф.

– Значит, летописи не лгут, – Беллатор и не ожидал ничего другого. – Но как ты будешь искать тайный ход?

– Как обычно, – Феррун не собирался раскрывать свои тайны, – не в первый же раз. Закрывайте крышку и отправляйтесь по домам, у вас много дел! – распорядился он. Шебуршание наверху его отвлекало.

– Попробуем, – Беллатор взялся двумя руками за край массивной крышки, выступающий над основой саркофага.

Она не поддалась ни на йоту. Мужчины налегли на нее все вместе и с огромным усилием задвинули тяжеленный кусок порфира на место. Проверив, ровно ли она встала, вышли на свежий воздух. Посмотрев на свои красные от натуги лица, только изумленно покачали головами, одновременно подумав об одном и том же.

– Ну и силен же Феррун! – Крис, как самый непосредственный, высказал общую мысль. – Когда он без труда передвинул крышку одной рукой, мне показалась, что она легкая, как перышко.

– Да уж, перышко! – Беллатор потряс надсаженными руками, стряхивая боль. – Никогда ничего подобного не поднимал. Тяжесть несусветная.

– Это еще мы крышку не поднимали, а просто перекатили, – уточнил Роуэн, распрямляющие плечи. – Страшно подумать, если б нам пришлось ее с саркофага снимать. Мы б ее точно уронили и, глядишь, еще и раскололи.

Нескию потер ладони друг о друга. Несмотря на перчатки, кожа на руках горела.

– Снять ее у нас попросту не хватило бы сил. Никогда не думал о себе, как о слабаке, но сейчас стал. Да, все познается в сравнении.

– Кто же он такой – Феррун? – Беллатор показал Роуэну на замок, безмолвно прося его запереть дверь. – Он явно не простой человек. Откуда он? Как попал в замок Контрарио? Он этого не помнит, хотя Тетриус его не одурманил. Не мог же он упасть к нам с неба?

Роуэн покопался в замке все той же железкой, толкнул для проверки дверь – она не открывалась. Случайно задел полы своего кафтана, и от него во все стороны полетела белесая пыль. Все дружно чихнули, отмахиваясь от свербящего облачка.

Пошли к оставленным возле ограды коням, то и дело оглядываясь на королевский некрополь. Лошадка Ферруна недовольно всхрапнула и попятилась, когда королевский сенешаль взял ее под уздцы.

– Твой хозяин велел тебе пастись на лугу вместе с твоим старым табуном, – принялся виновато оправдываться Крис, будто перед человеком. – Не след тебе бегать по кладбищу.

Агфе недовольно подчинилась. Крис привязал повод к седлу, и мужчины отправились обратно той же дорогой.

– А если попросить Ферруна проколоть палец и показать нам свою кровь? – внезапно предложил нескио.

– Вот уж это я ему предлагать не буду, – Беллатор обернулся к следующему за ним нескио. – Я спрашивал у него, не хочет ли он стать королем, и получил категорический отказ. Ему и так хорошо. Ни за что отвечать не надо.

– Я не думаю, что у него голубая кровь, – Роуэн отчего-то посмотрел на свои руки. – Ведь он участвовал во множестве боев, наверняка был ранен. И если уж ничего странного в нем никто не заметил, что и кровь у него самая обычная.

– Не уверен, что его кто-то смог ранить, – с сомнением произнес Беллатор. – Не забывайте, у него был защищающий его Тетриус, хотя он об этом и не знал.

– Но последний принц, имея тот же Тетриус, все-таки был смертельно ранен, – возразил нескио. – Кстати, кто помнит, как его звали?

Все напряглись, но вспомнить никто не смог.

– Надо будет перечитать летописи, – указал сам себе нескио. – Я читал, но давно, столько всего забылось.

Подъехав к конюшне, они спешили, отдали лошадей конюхам, дальше пошли пешком. На них смотрели все встречные – поперечные, что вызывало досаду и желание поскорее переодеться. В самом деле, их компания была примечательной – наместник, герцоги, и прошлый, и нынешний, и еще королевский сенешаль, и все в непонятных розовато-белесых разводах. Если кто-то из них взмахивал рукой или ненароком топал ногой, их окутывало пыльное облако.

– Откуда там столько этой мерзкой пыли? – Роуэн громко чихнул и сердито поморщился. – Это от всех саркофагов так или только от того, что мы вскрыли?

– Говори потише, – осмотрительно предупредил его Беллатор, – здесь и камни имеют уши.

– Давайте немного выпьем, и лучше воды, – предложил нескио, с трудом сдержав чихание. – И по домам. Я не знаю, какую дыру в своих делах заткнуть первой. Буду признателен, Роуэн, если вы поедете со мной и объясните, что к чему. Эти герцогские имения – сплошная головная боль. Вы все-таки знаете о них поболее меня, ведь владели ими более года. Да и Амирель будет вам рада. Вы же ее единокровный брат, единственный оставшийся в живых родственник, если не считать вовсе уж дальних.

Роуэн поклонился в знак согласия. Ему нравилась Амирель, и сознание того, что он больше не один в этом мире, согревало измученную душу. Зайдя в кабинет Беллатора, все принялись пить, у всех першило в горле от вездесущей порфирной пыли. Нескио с Беллатором пили воду, Крис и Роуэн – легкое вино. Затем они расстались, пообещав немедля известить друг друга, если что-то станет известно о Ферруне.

А тот в это время пристально разглядывал порфирные стены саркофага. Неприятно пахло каменной пылью, откуда-то доносился запах тлена и сырой земли. Он брезгливо морщил нос, дыша через раз, пытаясь обнаружить вход в подземелье. Что он есть, чувствовал – из-под отшлифованного до зеркального блеска камня тянуло чуть заметным ветерком. Вернее, это был не ветерок, а слабая тяга, появляющаяся, если за закрытой дверью гуляет сквозняк, проникая в комнату через мельчайшие щели.

Ощупав стены, подметил, что некоторые из камней чуть-чуть холоднее остальных, и определил размеры прохода, а вот как его открыть, догадаться не сумел. Понажимал на все камни, бесполезно. Никаких рычагов, как в тайных ходах королевского замка, в каменном мешке тоже не было. Возможно, ход замурован и никакого механизма, отрывающего его, не существует? Тогда он зря теряет время, разгадывая несуществующую загадку, действовать надо примитивно и жестко, просто разбив каменную кладку.

Пожалев, что не догадался захватить собой что-то вроде кайла, которым в рудниках разбивают породу, Феррун принялся искать слабое место в стене, тщательно простукивая ее кулаком. Не найдя ничего подобного, решил прорываться силой.

Руками разбивать стену не стал, такую глупость делают только дураки. Повернувшись, несколько раз с силой пнул в центр предполагаемого входа подбитым железными набойками каблуком, как делают лошади, отбиваясь от нападавших на них волков.

После пятого удара стена надломилась и пошла тонкими трещинами, как паутина. Чтоб не быть засыпанным, осторожно толкнул рукой в центр призрачной паутины и мгновенно отскочил к противоположной стене. Порфир с грохотом осыпался, открывая темный коридор, и Феррун вошел в образовавшийся проем.

Через некоторое время наверху раздался шум, крики «кто здесь?» и стражники с факелами начали обшаривать склеп в поисках странного шума, от которого сотряслась земля. Ничего не обнаружив, послали гонца к Беллатору с сообщением о странном событии и вернулись на свой пост возле главного входа на королевское кладбище.

Радуюсь собственной предусмотрительности, ведь сдвинутая крышка саркофага наверняка вызвала бы нехорошие подозрения, а то и глупую попытку пойти за ним, Феррун медленно, стараясь загодя распознать неизбежные ловушки, пошел по довольно высокому проходу.

В воздухе стояла мельчайшая порфирная пыль, затрудняя дыхание, и Феррун, защищаясь от нее, прижал к лицу плотную ткань плаща. Более крупная крошка поскрипывала под ногами, видимо, оставленная тогда, когда устанавливался саркофаг и прокладывался этот загадочный ход. Но вот порфирная кладка сменилась плотной кирпичной, пыль мало-помалу улеглась, и он наконец смог вздохнуть полной грудью, хотя воздух был все таким же затхлым и неприятно щекотал ноздри.

Ход резко пошел вниз, одновременно становясь шире и выше. Феррун догадался, что выходит на тот же уровень, что и тогда, когда шел по следам той недалекой служанки. Снова пожалел, что его самого никто не ведет, пусть бы даже и столь противные Амирель крысы. Какая разница, кто поводырь, если тот знает, куда идти? Можно не напрягаясь избежать зряшного хождения и смертельных ловушек. Феррун не боялся погибнуть, но у него было неприятное предчувствие, что от того, останется он жив или нет, зависит очень многое, гораздо больше, чем он мог предположить.

Воздух стал гораздо чище, откуда-то сбоку повеяло свежестью погожего зимнего денька, видимо поблизости находился выход на поверхность. Но Феррун не собирался подниматься, чтоб это проверить, ему нужно было спуститься еще ниже, туда, где мог безмятежно спать обещанный старинным свитком дракон.

Внезапно подземный ход раздвоился. Феррун остановился, разглядывая абсолютно одинаковые ответвления. Не найдя разницу, пожал плечами и повернул налево. И тут же от Секундо, висевшего на груди, пришел недовольный отзвук.

Феррун замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Получается, проводник у него все-таки есть? Повернул направо – камень молчал. Это было уже обнадеживающе, и он уверенно пошел по выбранной амулетом дороге. Ход еще несколько раз разветвлялся на одинаковые отростки, и каждый раз камень подсказывал ему нужный путь.

Феррун даже подсадовал, что напрасно взял с собой веревку и оружие, они только мешали идти быстрее. Он шел уже несколько часов по абсолютно одинаковым коридорам, и ему даже стало казаться, что он бестолково кружится на одном месте, когда ход внезапно оборвался у сплошной стены из монолитного камня.

Решил немного осмотреться и поразмыслить. Скинув плащ, свернул его, бросил на каменный пол и сел сверху, придиричиво осматриваясь. Куда же вела служанку та крыса? Не

сюда ли? Или просто выводила из дворца через известный ей одной подземный ход? Похоже, этого он никогда не узнает.

Воздух в тупике был застойным, дышать снова стало трудно. Не вставая, Феррун внимательно посмотрел на перегораживающую ход стену. Что за ней? Описанный в поэме огнедышащий дракон? Или все-таки что-то другое?

Если там нет спящего дракона, то пусть хоть найдется исчезнувший Примум. Тогда станет понятно, для чего его сюда привел Секундо – он стремится воссоединиться со своим последним осколком и снова стать единым целым. Но вдруг там что-то такое, что повредит, а не поможет?

Но гадать было некогда. Феррун рывком поднялся, накинул на плечи плащ, простучал стену снизу доверху. Ничего не обнаружив, прислушался к амулету, но тот молчал.

– Что, не хочешь больше помогать? – язвительно обратился Феррун к нему. – Почему я все должен делать один? Или ты не знаешь, что там впереди, и просто водишь меня за нос, как доверчивого дурочка?

Внезапный всплеск острого недовольства, пришедший от Секундо, застал его врасплох. До этого дня камень никогда не передавал ему своего отношения к происходящему. Интересно, а не это ли чувствовала Амирель, когда жаловалась, что камень ее подавляет?

Но его-то, Ферруна, никакой камешек подавить не в силах. Но, может быть, амулету эту стену нужно показать?

Он вынул из-за ворота камень на тонкой цепочке и поднес к стене, но никакого изменения в Секундо не заметил. Недоуменно пожав плечами, принялся обследовать амулетом всю стену, надеясь, что тот подаст ему какой-нибудь знак. Не пропустил ни одного дюйма, но камень упорно молчал.

Феррун отошел от тупика и прислонился плечом к чуть выступающему кирпичу правой стены. И тут Секундо предупредительно вспыхнул.

– Вот ведь демон побери! – сердито выругался Феррун. – Так тут годами кружить можно!

Принялся водить амулетом уже здесь. Тот то вспыхивал, то гас. Очертив абрис входа, Феррун принялся искать запор. К его радости, тот нашелся довольно быстро. Им оказался чуть выпирающий из стены округлый камень. Найти запор было настоящей удачей, замаскированная под кирпич дверь была гораздо прочнее, чем стена в саркофаге, и вряд ли бы у него получилось ее выбить.

Начертив на камне символ вечности, быстро отскочил в сторону. И вовремя: с потолка начала сыпаться мелкая каменная крошка пополам с вековой пылью; дверь не открывали с той поры, как поставили. Нетерпеливый Феррун даже стал опасаться, что она вовсе не сможет открыться, уж слишком долго ему пришлось ждать. Тем не менее, хотя и медленно, с противным пронзительным скрипом, но тайный ход открылся.

Феррун бестрепетно шагнул внутрь и изумленно присвистнул. Ему показалось, что он попал в сказку: это была настоящая сокровищница. В довольно большом помещении на каменных подставках вдоль стены выстроились стройными рядами несколько десятков окованных железом сундуков. Он откинул незапертые крышки и убедился, что кроме золота и драгоценных камней в сундуках ничего нет.

Хмыкнув, разочарованно посмотрел вокруг. Нет, вовсе не это он надеялся здесь найти. Хотя Беллатор будет рад, он печалился, что королевская казна совсем опустела и даже оружие для уходивших на битву воинов купить не на что. Теперь деньги на это есть, достаточно только поднять часть этих сокровищ навверх.

Поставив ногу на край стоявшего рядом сундука, Феррун рассеянно поднял несколько монет и принялся небрежно швырять их в противоположный сундук в самом дальнем углу сокровищницы. Ударяясь о друг друга, золотые монеты приятно звенели, рассеивая мрачную тишину, и он взял еще пригоршню, продолжая это пустое, но необременительное занятие,

одновременно размышляя, что же ему делать дальше. Возвращаться не хотелось, но и куда ему идти теперь, он не знал.

Едва он замахнулся в очередной раз, в коридоре раздался странный шорох, он резко обернулся, рука дрогнула, и монета, описав крутую дугу, улетела налево и ударилась об стену, издав какой-то странный треск. Феррун насторожился.

Но вначале выглянул в коридор, пытаясь выяснить природу неожиданного звука. С потолка вновь посыпались мелкие камушки, негромко щелкая по каменному полу, и он понял, что это было.

Вернулся обратно в сокровищницу и постучал по той стороне, куда улетела монета. Звук был глухой, как будто стена была полой. Значит, за ней есть еще одно помещение, а сокровищница служила просто для отвода глаз. Если б сюда каким-то чудом проникли грабители, они опустошили бы ее, не пытаясь искать что-либо еще.

Вздыхнув, снова принялся за поиски, к помощи амулета больше не обращался. Что он, глупее какого-то бездушного камушка? Его упорные поиски довольно скоро принесли плоды: он нашел вход в следующую камеру.

Без сомнения открыв тайную дверь, шагнул внутрь и едва успел увернуться от летящих в него стрел. Одновременно под его ногами разверзлась яма, и только сноровка спасла его от гибели – за миг до обрушения он успел отпрыгнуть назад.

Выдохнув и свирепо ругая себя за глупую неосторожность, Феррун сдернул с плеч лук и отправил веер стрел туда, где скрывались ловушки.

Наступила тишина. Но он не спешил, не веря, что все так быстро кончилось. Наверняка есть что-то еще, чего он просто не разглядел. И тут же подумал: впереди должно находиться нечто чрезвычайно ценное, раз охраняется с такими предосторожностями.

Он еще помедлил несколько минут, пытаясь рассмотреть то, что внутри. Камера казалась пустой. Но его чуткие ноздри уловили странный запах. Пахло пряностями, бальзамом и гнием. Неужто там лежит тело их последнего короля? Но почему он был захоронен тайно? Неужели оттого, что с ним положен и Примум?

От этой догадки сердце забило в несколько раз сильнее, и Феррун сделал шаг вперед. Оттолкнувшись, легко перепрыгнул через яму-ловушку, заметив на дне острые колья. Пожалев, что у него нет с собой предупреждающего об опасности кинжала, надо было бы все-таки за ним съездить к Агнесс, вынул меч и осторожно стал продвигаться вперед.

И снова его путь преградила глухая стена. Он пнул ее и выругался от охватившей его черной злости. Что же это такое! Сколько же можно! Присмотревшись к стене, увидел едва заметный острый выступ. Потрогал его пальцем и тут же поранился. Кровь капнула вниз, на выступающий из стены порожек в виде малюсенькой чашечки и, к его удивлению, перед ним беззвучно открылся проход.

Засунув палец в рот, чтоб остановить кровь, Феррун сделал шаг внутрь. Он читал о запорах, открывающихся с помощью крови, но вот только кровь должна принадлежать тому же роду, что и лежащий внутри мертвец. Над этим нужно было подумать, и он решил поразмыслить на досуге, но точно не сейчас.

Перед ним оказалась небольшая камера с порфириковым постаментом посередине. На нем, до середины укрытый затканым золотом покрывалом, лежал человек. Казалось, он просто спит. Благородное лицо было спокойно и дышало сдержанной силой.

Феррун приблизился к нему и замер в недоумении – человек был ему знаком, он это знал точно, причем знаком очень хорошо. Но где и когда он его встречал, Феррун не помнил совершенно. Золотая тиара с крупным изумрудом посередине, венчающая чело мертвеца, подтверждала, что перед ним действительно последний король Терминуса. Феррун попенял себе, что, хотя он и бывал в закрытой королевской части дворца, там, где жили короли, но посмот-

реть на прижизненный портрет Адэлберто Седьмого не удосужился, не то сейчас бы никаких сомнений у него не возникло.

Но, возможно, это именно тот, кого в поэме называли драконом? Тогда его нужно просто разбудить, и он совершит нечто такое, отчего все враги обратятся вспять? Возможно, это оборотень и может превращаться в дракона?

Соображая, что же ему делать, Феррун рассеянно потер лоб. Камень на груди нагрелся, желая ему что-то сообщить, но он не обращал на него внимания. Хватит с него подсказок, он и сам не дурак. Решившись, подошел вплотную к человеку и случайно задел золототканое полотно. От этого легкого прикосновения оно расплзлось, попросту истлев за прошедшие века.

Феррун виновато посмотрел на невероятно знакомое лицо короля.

– Прости меня, я не хотел, – смущенно попросил прощения и, не удержавшись, требовательно спросил: – Откуда я тебя знаю? Может быть, ответишь?

Но тот молчал. Феррун озадаченно проследил за тем, как оставшаяся от покрывала золотая паутина соскальзывает с мертвого тела и, мелодично позванивая, падает вниз. И открывает красноватый камень с неровными краями, лежащий на груди короля возле самого сердца. Амулет на груди Ферруна тотчас загорелся ярким синим огнем, призывая к себе свою последнюю часть.

– Примум! – выдохнул Феррун и неожиданно для себя самого заколебался.

Отчего-то показалось неправильным взять последний осколок Инкусса без королевского позволения. Чуть склонившись, спросил тихим нервным шепотом:

– Позволь мне его взять, великий король. Наша страна в опасности и только возрожденный Инкусс может нам помочь.

Ответом ему был безмолвная тишина. Выпрямившись, Феррун решительно протянул руку к камню и поднял его. Раздался тихий стон, будто оборвались невидимые ему струны. Феррун посмотрел вокруг, не понимая, что так печально зазвучало. Ничего не увидел и перевел взгляд на короля.

И чуть было не ахнул от потрясения: перед ним лежал скелет, еле прикрытый истлевшей одеждой. Феррун резко выдохнул. Он ничего не боялся, но и его можно было ошеломить подобными диковинами.

– Спасибо тебе, великий король древности, – произнес он в полный голос и поклонился. – Ты нам очень помог.

Вынул свой амулет и приложил к нему Примум. Края камня резко вспыхнули, слились, и перед ним оказался безупречно ограненный темно-синий кристалл с яркими серебряными проблесками.

– Ну здравствуй, колдовской камень из короны королей Терминуса! – радостно сказал Феррун и принялся со всех сторон рассматривать великолепный кристалл. – Да, ты в самом деле «Серебро ночи», как ты и назывался в древних летописях, твой невероятный цвет напоминает таинственную ночь перед самым рассветом, когда небо начинает окрашиваться прощальным серебром! – решил он и опустил возрожденный камень обратно на грудь.

Выйдя из погребальной камеры, с сомнением посмотрел на распахнутую дверь. Оставлять тело последнего короля без охраны не хотелось. Немного подумав, приложил палец к острию. Капля крови снова упала в чашу, дверь немедленно закрылась.

Благополучно перепрыгнув через яму-ловушку, закрыл за собой и следующую дверь. В сокровищнице ровнее расстелил небрежно валяющийся на полу плащ и до тех пор ссыпал в него золото и драгоценные камни из стоявших рядом сундуков, пока плотный материал не стал зловеще потрескивать, потом связал концы в крепкий узел и закинул за плечи.

Закрыв все двери, дошел до поворота и призадумался. Дорогу обратно он помнил, но хотелось пройти по другой, посмотреть, что же там.

Камень на груди тут же протестующее нагрелся, предупреждая об опасности. Феррун опасность любил, но понимал, что рискует не только погибнуть в этих таинственных катакомбах сам, но с ним исчезнет и чрезвычайно нужный Терминусу амулет, поэтому решил отложить удовольствие до лучших времен.

Негромко посвистывая, прошел все повороты по уже пройденному им пути и через несколько часов оказался в том самом саркофаге, откуда и начал свой путь по подземелью. Упершись ногами в стены, легко отодвинул крышку, выкинул узел с золотом и выпрыгнул наружу сам. Старательно привел все в прежний вид, подошел к двери.

Она была заперта снаружи, и Феррун сердито выдохнул.

Что ему делать?

Можно просто высадить дверь, не такая уж она и прочная, а потом послать кого-нибудь поставить ее обратно. Феррун уже изготовился потихоньку, не привлекая излишнего внимания, выбить дверь, когда раздался едва слышимый скрип замка, и она отворилась.

Быстро скрывшись за ближайшем саркофагом, он ждал, что будет дальше.

– Феррун? Ты здесь? – раздался приглушенный голос Роуэна, и Феррун стремительно пошел к нему.

– Здесь! – ответил он и вышел наружу. – Спасибо, что ждешь.

Солнце склонялось к закату, но все равно было слишком светло, и Феррун пожалел, что не может закрыть лицо. Единственное, что он сделал – прищурил глаза так, что остались лишь тоненькие щелочки.

Роуэн аккуратно запер дверь и пошел за ним следом, с сомнением оглядывая огромный выюк на его плечах.

– Зная твоё нетерпение, я прихожу сюда уже в третий раз и каждый раз подолгу жду, – сказал он, отвязывая своего коня. – Сложно было там, внизу?

– Непросто, – согласившись с ним, Феррун ласково погладил Агфе по шелковистому носу и вскочил в седло. Превращенный в мешок плащ положил перед собой, придерживая одной рукой. – Сколько прошло времени, как я ушел? Я ему потерял счет в подземелье. Там оно течет странно, не поймешь, то ли минута прошла, то ли целый час.

– Полтора дня, – Роуэн послал коня вперед.

– Странно, мне показалось, что я ходил не больше суток, – Феррун погладил себя по груди, где под камзолом чувствовалось приятное тепло возрожденного камня.

Роуэн посмотрел на его измазанные в чем-то синем пальцы на правой руке и подозрительно нахмурился.

– Что у тебя с рукой? – спросил напряженно.

Феррун поднес к лицу, сначала одну руку, потом другую, и только теперь заметил странный цвет своих пальцев. Небрежно хмыкнул:

– Вымазался где-то. Внизу невесть что творилось. Если б не мой амулет, я бы до сих пор блуждал по катакомбам. Там настоящий лабиринт.

– Точно вымазался, а не поранился? – продолжал допытываться Роуэн.

– Где ты тут видишь кровь? – сердито спросил Феррун, понужая кобылку. – Это краска. Но я даже не понял, где в ней вымазался.

– Устал?

Феррун прислушался к себе. Усталость была, но странная. Она была скорее похожа на горечь после последнего прощания с близким человеком.

– Не пойму, что со мной, какая-то тоска вдруг навалилась, – сумрачно признался он. – Я все расскажу, но попозже, а сейчас давай поспешим.

Они погнали лошадей и скоро были уже у дворцового входа к Беллатору. Отдав стражникам поводья и велев увести лошадей на конюшню, поднялись в его кабинет. Наместник тут же оторвался от бумаг и с надеждой посмотрел на Ферруна.

– Ты вернулся? Все хорошо?

Феррун небрежно сбросил на дубовый стол зазвеневший мешок, от чего стол пошатнулся и чуть было не рухнул, и указал:

– Это нужно отправить в королевскую казну, а я пойду переоденусь и ополоснусь, устал дышать пылью, да и кожа от нее чешется.

Он исчез в камине, а Роуэн тревожно спросил у Беллатора:

– Ты заметил, что у него пальцы на правой руке синие?

Тот застыл и медленно повернулся к нему.

– Нет, не заметил, я смотрел на этот неподъемный вьюк. А ты спросил у него, почему... –

Он не договорил, но все было понятно без слов.

Роуэн с досадой тряхнул головой:

– Спросил. Он заявил, что где-то вымазался. Но я не поверил. Где можно в древних грязных катакомбах вымазаться в свежей синей краске?

– То есть ты уверен, что это кровь?

– Ручаюсь. Да и пахнет от него запекшейся кровью, а уж вовсе не краской.

Беллатор тихо сказал:

– Вот мы и обрели нашего короля. Если Феррун еще и Примум нашел, то...

Его прервал стук в дверь. Беллатор приложил палец к губам, призывая Роуэна к молчанию. Тот понятливо кивнул.

– Войдите, – разрешил Беллатор.

В кабинет вошел взволнованный Крис и первым делом посмотрел по сторонам. Не обнаружив того, кого искал, обратился к наместнику:

– Мне сказали, что вернулся Феррун. Я, кстати, сразу послал гонца к нескию. Он скоро подъедет.

– Это хорошо, – Беллатор кивнул на лежащий на столе узел. – Тогда его и откроем.

Роуэн осторожно пошевелил мешок.

– Похоже на какой-то металл. Неужто золото?

Не утерпевший Крис тоже тряхнул вьюк с другой стороны.

– На золото не похоже. Уж скорее какие-то камни.

Беллатор задумчиво барабанил пальцами по стеклу, глядя в окно на королевский парк. Мысль о том, что Феррун может оказаться королем, давно всплывала в его голове. И вот когда это предположение подтвердилось, он никак не мог с ним сжиться. Нужно было время, чтоб понять и принять Ферруна в качестве давно ожидаемого короля.

Впрочем, чего он разволновался раньше времени? Ферруна еще нужно уговорить взвалить на себя нелегкие королевские обязанности. С его-то вольнолюбивым нравом это будет вовсе не просто. Но если он все-таки займет причитающийся ему по праву крови трон, насколько проще станет ему, наместнику Терминуса, служить родной стране. Феррун наверняка отменит все устаревшие королевские указы, и синекуры, которыми так беззастенчиво пользуются аристократы, наконец закончатся.

Через полчаса прискакал ожидаемый герцог, но Ферруна до сих пор не было. Не утерпев, они вчетвером все-таки решились развязать плащ, и на стол посыпалось золото вперемешку с драгоценными камнями. Взволнованный, но отнюдь не удивленный Беллатор взял в руки крупный камень. Потер его платком и тот засиял ярким зеленым светом.

– Великолепный изумруд! – сказал он. – Интересно, сколько здесь всего?

– Теперь у нас есть деньги, чтоб купить хороший металл для мечей у наших соседей! – обрадованный Крис высоко подкинул и поймал полновесный золотой. – Но это старинные монеты, теперь таких в ходу нет.

– Как ни жаль, но придется переплавлять, – нескию же любовался сверкающими голубыми камнями. – Я могу купить эти аквамарины? – спросил он у Беллатора. – Камни в цвет

глаз моей жены. Хочу сделать ей подарок, закажу у ювелира полупарюру: ожерелье и серьги с браслетом. Теперь я знаю, когда у неё день рождения.

Беллатор измученно сцепил пальцы в тугой узел, преодолевая душевную боль. Как бы он хотел сделать ожерелье в цвет глаз своей любимой! Но его дорогой Роситы больше нет, и вряд ли он сможет полюбить кого-либо еще.

– Не думаю, что к этому возникнут препятствия, – ответил, совладав с собой. Он наместник, правитель, и не может показывать свою боль даже самым близким людям, его удел быть твердым и бесстрастным. – Феррун ясно сказал – сдать все в королевскую казну. А из нее можно купить все, если хватит денег.

Нескио кивнул, принимая его слова к сведению, и принялся выискивать в груди драгоценностей аквамарины для подарка супруге.

Роуэн тоже посмотрел на синий камень, достал его из тусклой груды и протер. Полюбовавшись его игрой, положил обратно и мрачно заметил:

– Сапфир. Красивая безделушка.

Ему некому было дарить дорогие подарки, хотя, как сын герцога, пусть и внебрачный, он имел довольно приличное состояние. Но его любимая все равно откажется от драгоценностей. Она монахиня и не может себе позволить мирские суетные побрякушки.

Крис же подумал о Лори. Где-то она сейчас? И вернется ли вообще? Хотя зачем теперь, в такие страшные времена, обременять себя супружескими обязательствами, обрекая на страдания жену? Хотя он бы с удовольствием подарил ей этот яркий красный камень, рубин, символ страстной любви. Он был бы очень красив в кольце на ее тонком пальце.

Не постучав, в кабинет по-хозяйски стремительно вошел Феррун. Он был чисто вымыт, в новом прекрасно сидевшем на нем темно-синем, почти черном, камзоле из плотного сукна и таких же штанах. Никакой синева на его руках больше не было. Мужчины встрепенулись, будто пойманные за неприличным занятием, но Феррун просто взял стул и сел на него верхом, как на лошадь.

Все торопливо расселись вокруг и приготовились слушать. Он рассказал им все, кроме того, что последняя дверь открылась благодаря его крови. Показал возрожденный Инкусс и на предложение Криса вставить камень в корону королей сердито возразил:

– И как, по-твоему, я буду шататься по подземельям с короной на голове? Ты меня что, за дуручка деревенского держишь?

Беллатор тут же бросился заливать возникший пожар:

– Носи его сколько хочешь, никто не против. Это было просто предложение. Никому, кроме тебя, камень ведь не подчиняется.

Феррун немного остыл.

– Ладно, я вам все рассказал, а теперь мне нужно поговорить с Амирелью.

И он ушел, не соизволив попрощаться.

– Вот ведь противный капризный щенок! – Крис был искренне возмущен. – Пороть бы его да пороть! В короне он по подземельям бегать будет! Корона должна на голове короля быть, а не висеть на ушах у этого вахлака!

Беллатор с Роуэном кисло переглянулись. Беллатор поинтересовался у нескио, достаточно ли ему выбранных камней. Тот взвесил в ладони увесистую пригоршню аквамарин и сказал, что вполне. Наместник вежливо попросил своего сенешаля:

– Крис, будь добр, отнеси куль в сокровищницу и передай казначею, что я попросил пересчитать все это и занести в амбарные книги. И, пожалуйста, проследи, чтоб ничего при этом не пропало. Я доверяю казначею, но все-таки не настолько, чтоб оставить его наедине с таким богатством, да еще неучтенным.

Крис связал плащ за края, попытался его поднять, но лишь сморщился от натуги. Беллатор открыл дверь в соседнюю комнату, где заседали его секретари и крикнул:

– Ланс, Григ, подите сюда!

Они вошли и Беллатор показал на лежащий на столе неподъемный груз.

– Помогите Крису донести это до королевского казначея.

Трое мужчин, ухватив сверток за разные концы, пошатываясь, потащили его в противоположное крыло, где располагалось казначейство.

Закрыв за ними дверь, Беллатор скупно улыбнулся.

– Крис доблестный воин и хороший человек, но совершенно не умеет скрывать свои чувства, поэтому при нем я ничего говорить не стал. – Повернувшись к удивленному этим странным вступлением нескио, он провозгласил: – Радуйтесь, герцог, мы обрели истинного короля.

К его удивлению, тот в ответ лишь согласно кивнул.

– Я знаю. Я прочел в летописи, как звали погибшего принца.

– И как же? – Беллатор мысленно попенял себе, что не догадался сделать это сам.

Чуть помедлив, нескио ответил:

– Феррео. Как вы помните, он был положен на трон умирающим. Уверен, трон перенес его к нам, в наше время, излечив от смертельной раны. Но почему при этом принц потерял память, нам не ведомо.

– Вот и отгадка загадки Ферруна, или, вернее, Феррео, – Беллатор глубоко вздохнул и радостно улыбнулся от овладевшего им чувства освобождения от непосильной ноши. – Что же, наследник престола у нас есть, как и возрожденная надежда.

– Но сколько же ему было, когда он попал в засаду? – Роуэн потер лоб, стремясь осознать услышанное.

– По летописи двадцать пять лет. – Нескио тоже сопоставлял все, что ему было известно о Феррео – принце, и Ферруне – простолюдине с замашками аристократа.

– Но к графу он попал совсем мальчишкой, – Роуэн опасливо посмотрел направо, будто через толщу стен мог увидеть королевский зал с злокозненным тронном. – Что же делает с людьми этот колдовской трон?

– Отнимает годы и стирает память? – предположил Беллатор. – Боюсь, нам не дано понять его мотивы. Но главное – мы обрели долгожданного короля.

– Нам еще нужно убедить Ферруна, что он принц, а не беспризорник из замка Контра-рио. И занять пустовавший столько веков престол, – нескио не был столь оптимистичен, как наместник. – Не думаю, чтоб это было легко.

– Это чрезвычайно трудно, – Роуэн тоже улыбался, не в силах сохранять привычный мрачный вид. – Но то, что у нас есть наследный принц, уже невероятная удача.

С ним согласились все.

Глава третья

Сидя за столом с горделивой осанкой, силясь соответствовать поведению знатных дам, Риялла старательно водила тонким пальцем по строчкам, складывая из букв слова в азбуке для детей. Получалось плоховато, но она не отчаивалась. Устроившаяся рядом с ней Амирель внимательно следила за правильностью произношения и прочтения.

Это было невообразимо скучно, и она с почтительной благодарностью вспоминала своего учителя, без малейшего раздражения повторявшего ей одно и то же много-много раз. Какое же у него было невероятное терпение! А вот ей уже хочется зевать от скуки и попросту сбежать отсюда подальше, даже поездка с язвительным Ферруном казалась ей предпочтительнее этого бездарного времяпровождения.

Внезапно по нервам ударил чей-то отчаянный плач и безысходное горе. Амирель вскочила, озираясь.

– Ты это слышишь? – спросила она у Рияллы.

– Что? – та тоже испуганно поднялась.

– Кто-то плачет, – Амирель решительно пошла к двери, – где-то совсем рядом.

– Я ничего не слышу, – Риялла боязливо оглянулась, будто плачущий мог стоять у нее за спиной.

– Продолжай заниматься! – распорядилась Амирель. – И не отлынивай! Ты молодец, читаешь уже неплохо, но нужно учиться еще прилежнее, чтоб достигнуть настоящих успехов!

Риялла стыдливо понурилась. Поначалу странные закорючки и впрямь никак не хотели складываться в слова, но теперь дело пошло на лад, и она даже немного собой гордилась. Уткнувшись в учебник, принялась снова перечитывать уже прочитанную страницу, надеясь стать достойной своего высокородного любимого.

Выскочив из своих покоев, Амирель быстрыми шагами пошла по коридору, стараясь угадать, из-за какой двери до нее донесся всплеск безутешного горя. Чутье безошибочно привело ее к одной из комнат для придворных дам. Она решительно нажала на ручку и вошла. Беззвучно рыдавшая в уже мокрый от слез платок дама повернулась к ней и тут же присела в низком придворном реверансе, спрятав покрасневшее лицо.

Амирель узнала ее – это была та самая, кто пытался указывать ей, в чем ходить и как себя вести. Поскольку Амирель, отведав вина, вела себя в тот день не самым лучшим образом, ей стало стыдно, и она, слегка помедлив, спросила:

– Что случилось? Почему вы плачете?

Дама нехотя подняла залитое слезами лицо.

– Я не знаю, стоит ли вам об этом говорить, – она печально шмыгнула носом. – Вряд ли кто-нибудь сможет мне помочь, а огласка в таком неблагоприятном деле только вредит.

Амирель продолжала требовательно смотреть на нее, безмолвно ожидая продолжение, и дама сдалась на ее милость:

– Пусть лучше о моем горе расскажет мой старый слуга Атан, он почти член моей семьи, и тайн от него у меня нет, – она указала подбородком на молчаливо стоявшего в углу комнаты немолодого мужчину в простом черном кафтане. – Я не смогу говорить, у меня нет сил, снова разрыдаюсь.

– Это все наглый сэр Фугит, чтоб его бесы драли! – в сердцах пожелал отвесивший довольно корявый поклон слуга. – Он ворвался в наш дом вместе со своими беспутными друзьями и надругался над нашей дорогой Каролиной, мы ничего не смогли сделать, нас было слишком мало, и оружия, чтоб защитить ее, у нас не было.

– Это моя дорогая дочь! – с рыданьем пояснила дама. – Я виконтесса Парнери, это старинный знатный род, до войны богатый и независимый. Но наше имение на юге, оно захвачено

имгардцами. Муж погиб, защищая нас, благодаря его самоотверженности мы с Каролиной и спаслись. Мой единственный сын воюет в войске доблестного сэра Паккара, а младший сынок этого же сэра творит бесчинства, и никто не может его приструнить. Защитить нас некому. На жалкие остатки состояния я смогла купить лишь скромный купеческий домик в квартале ткачей. Я надеялась, что моя дочь будет там в безопасности, но жестоко ошиблась... – она приложила платок к лицу и скорбно затихла.

Амирель подумала, что лучше бы матери жить вместе с дочерью, но виконтесса продолжила:

– У нас вовсе нет денег, мы все потеряли в этой страшной войне. Мне повезло, удалось из милости устроиться на место придворной дамы, чтоб содержать дочь и своих старых верных слуг, приехавших вместе со мной. Жалованье здесь неплохое по меркам военного времени, но, если б я знала, что произойдет, я бы сидела дома.

– И чем бы вы помогли? – угрюмо вмешался в разговор Атан с вольностью старого доверенного слуги. – Эти мерзкие выродки и вас бы не пощадили. Они не знают удержу. Для них даже королевские стражники не указ. Да мы их и вызывать не стали. Позора потом не оберешься.

– Вот именно! – виконтесса вытерла заплаканное лицо рукавом, удивив этим плебейским жестом Амирель. – Фугита даже жениться не заставишь, чтоб прикрыть грех, он настоящий лиходея без чести и совести. Сколько он людям горя принес, не счесть!

– Это сколько известно, а сколько пострадавших скрывает его делишки, чтоб не иметь сраму! – слуга стукнул себя кулаками по бедрам. – Эх, вот его бы на виселицу!

– А как он будет обеспечивать жену, если женится? – прагматично поинтересовалась Амирель, возмущив своим хладнокровием безутешную мать.

– У него независимое состояние и приличное поместье, переданное ему матерью, она же из Сордитов, они все весьма богаты, – виконтесса не понимала, при чем тут это.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула Амирель. – Значит, скоро ваша дочь станет обеспеченной вдовой. Если ничего другого не останется. Похоже, пора положить конец разбойничьим похождениям сэра Фугита.

Она пошла к двери, велев:

– Поедем к вам, виконтесса. Найдем этих разбойников и призовем к ответу. Мы с Ферруном это упустили, наша вина, каюсь, придется эту ошибку исправлять мне одной. Где бродит мой супруг, я не знаю, да и звать его на помощь не хочу, надеюсь, справлюсь и сама, не такое уж это и сложное дело.

Виконтесса схватила свой плащ и накинула на плечи.

– Вам нужно одеться потеплее, на улице холодно, – заботливо предложила она, не забывая про свои обязанности придворной фрейлины.

– Хорошо, взгляну сначала к себе, – согласилась с ней Амирель и повернула налево по коридору в гостевую часть дворца. – А вы пока прикажите подать мне карету без гербов.

– Но все кареты принадлежат наместнику, если не считать королевских, – робко напомнила ей виконтесса.

– Не думаю, чтоб Беллатор не позволил мне взять карету, ведь у него наверняка она не одна, – Амирель ни на секунду не поверила, чтоб брат Сильвера был настолько мелочным.

– Конечно, его честь возражать не станет, – дама сложила перед собой руки, стараясь, чтоб ее поняли правильно. – Но королевский конюшенный сэр Лардин не дает кареты без прямого указания наместника, а я для него никто.

– Опять эти наследственные служаки! – свирепо поморщилась Амирель. – Но вы его предупредите: если карета не будет стоять у восточного портала, когда я спущусь, то разговаривать с ним я буду сама! И не думаю, что это ему понравится!

Она ушла, а виконтесса Парнери в легком недоумении пошла вниз, к кабинету королевского конюшенного. Сэр Лардин, закинув ногу на ногу, сидел в бархатном кресле и с нарочитым вниманием слушал доклад стоявшего перед ним навывтяжку главного конюха. На одну из придворных дам, к тому же заплаканную и с красным носом, он демонстративно не смотрел. Кашлянув, та решила прервать конюха.

– Извините, но наша гостья просила подать для нее к восточному portalу карету без гербов, – громко сказала она, стараясь казаться уверенной и гордой.

– И что из того? – главный конюшенный с негодованием воззрился на нее. – Много тут у нас таких гостей. Всем не угодишь.

Виконтесса чуть прикусила губу. Как ей быть? Этот солдафон все равно не будет выполнять ничьих приказаний, кроме наместника. Но все-таки повторила ее слова:

– В такой случае вам придется самому объясняться с госпожой Амирель.

Результат оказался потрясающим. Главный конюший неловко вскочил, уронив при этом кресло, побелел и с обвиняющим воплем:

– Почему вы мне сразу это не сказали?! – унесся прочь.

Следом за ним, бросив укоризненный взгляд на фрейлину, умчался и главный конюх. Виконтесса, не слишком дружившая с остальными придворными и не знавшая новостей из дворцовой жизни, безмерно удивилась их странному поведению. Разведя руками, отправилась к восточному portalу, откуда должна была выйти Амирель.

Запыхавшийся от быстрого бега королевский конюшенный прибежал к каретному сараю и визгливо приказал:

– Немедленно запрячь четверку вороных в сапфировую карету для госпожи Амирель! – и сам схватился за дышло, выводя карету из сарая.

Услышавшие это конюхи и ожидавшие распоряжений кучера тут же подхватились и через пять минут карета уже стояла там, где было приказано. Сидевший на козлах кучер был бледен до болезненной голубизны и с трепетом ожидал своей пассажирки. О том, что бывает с теми, кто не угодил колдунье, он прекрасно знал.

Довольная быстротой исполнения поручения виконтесса оперлась о протянутую руку лакея и, аккуратно подобрав подол длинного придворного платья, забралась в роскошный, оббитый темно-голубым бархатом, салон.

Через пару минут во двор вышла Амирель в шелковом синем плаще и накинутом на голову для защиты от сильного ветра капюшоне. Ободряюще улыбнулась кучеру, отчего тот вмиг приосанился и перестал считать это поручение наказанием, наоборот, свысока посмотрел на стоявших в отдалении дружков. С помощью услужливо подскочившего королевского конюшенного сэра Лардина поднялась в карету и приказала трогаться.

Слуга виконтессы, устроившийся рядом с кучером на козлах, назвал адрес, над головами лошадей звонко щелкнул кнут и колеса с красными ободьями завертелись. Услышав, что едут они в квартал ткачей, кучер шепотом поинтересовался у своего попутчика:

– А что там понадобилось этой колдунье?

– Да надо проучить там кое-кого, – обтекаемо ответил Атан, – заслужили.

Воодушевленный участием в предстоящем справедливом возмездии кучер подхлестнул коней и те помчались крупной рысью по объездной дороге, по которой до квартала ткачей, находившемся за городской стеной в купеческом посаде, было гораздо ближе, чем по главной дороге через город. Через некоторое время карета остановилась возле небольшого кирпичного дома с красной черепичной крышей, похожего на окружающие дома как близнец.

Подобрав подол длинного шелкового платья, Амирель легко выпрыгнула из кареты без помощи слуги и огляделась. Вокруг царил мирный покой, только из домика доносились чуть слышные крики – толстые кирпичные стены почти не пропускали звуки. Вставшая рядом с ней виконтесса прижала руки к лицу и простонала:

– Они все еще там! Бедная моя девочка!

– Это хорошо, что они там, – Амирель почувствовала возбуждение, горячими волнами расходившееся по крови. – Не нужно будет вылавливать их по всему Купитусу. – Пошли! – и она решительно отправилась вперед.

Взволнованная виконтесса поспешила за ней. Атан, прихвативший на всякий случай крепкую сучковатую палку, вошел следом. Слышавший вопли кучер благоразумно решил, что они справятся с этим дельцем и без него, и остался сидеть на козлах, чтобы в случае чего быть наготове. Свое дело он сделал, привез всех, куда велено, а уж как оно все пойдет дальше, ему лучше и не знать. Он хорошо помнил присказку – меньше знаешь, меньше отвечаешь, не раз за свою жизнь убедившись в ее правдивости.

Гостя с хозяйкой торопливо вошли в дом. В небольшой прихожей было пусто, лишь у стены валялся сломанный стул рядом с вешалками для одежды, ясно говорившие о том, что в дом ворвались непрощенные гости. А вот в следующей комнате, служившей гостиной, царил уже настоящий разгром и сидело пятеро полупьяных молодчиков с оловянными глазами. Увидев вошедших женщин, они расхохотались и бросились им навстречу.

– Вот и еще цыпочки появились! И кто это у нас?

Показывающая Амирель дорогу виконтесса взвизгнула, когда ее обхватили грубые руки.

– Ух, какая пышечка! Жаль, что не так молода. – Молодчик с одной серьгой в ухе ущипнул ее за щеку.

– А какая тебе разница? – лениво поинтересовался парень в залитом красным вином зеленом камзоле. – Юбку на голову, и разницы никакой! – и он добавил откровенную похабщину.

Амирель скинула с головы капюшон и обвела пылающим синим взглядом распоясавшихся бузотеров. Воцарилась испуганная тишина.

– Колдунья! – выдохнул один из них и на цыпочках стал красться к дверям, намереваясь сбежать.

– Стоять! – приказала Амирель и рявкнула: – Где Фугит?

Ближайший из буянов показал дрожащим пальцем на коридор.

– Я сейчас вернусь, – зловеще пообещала им Амирель. – А вы стойте здесь и никуда не уходите. И чтоб было тихо! Потом я разберусь и с вами.

Едва она прошла в коридор вместе с виконтессой, как мужчины попытались оторвать ноги от пола, но не смогли. Видевший все это Атан с удовольствием приложил своей палкой по задам охальников, и они только охали от боли и возмущения, не в состоянии произнести в ответ ни слова.

– Они наверняка в спальне! – виконтесса побежала вперед, распахнула дверь и чуть не упала от увиденной там ужасной картины.

Ее дочь была распята на кровати нагишом за ноги и за руки, привязанные за столбики балдахина, а высокий мужчина со спущенными штанами стоял рядом, закончив свои дела, и довольно ухмылялся. Его лицо было желтоватым, глаза мутными, на скулах багровели неровные пятна. Он производил впечатление глубокого пьянчужки.

– Что ты натворил, подлая скотина! – виконтесса с воплем подскочила к нему и принялась наотмашь хлестать его по плечам.

Он одним толчком отправил ее на пол.

– Что это за глупая бабенка? – он вовсе не ждал ответа на этот вопрос, неторопливо натягивая штаны.

Амирель выступила вперед и злобно проговорила:

– Это виконтесса Парнери, вдова героя, защищавшего Терминус от врагов. А ты обещал ее дочь.

– Вот как? – Фугит озадаченно наморщил лоб. Связываться с аристократами он не желал. Здесь уже закон о неприкосновенности его драгоценной персоны не действовал. – А разве они не купцы? Почему же тогда живут в купеческом квартале?

– Какая разница, где они живут? Какое право у тебя, ничтожество, оскорблять кого бы то ни было? – Амирель с трудом смиряла растущую в груди ненависть к этому самодовольному и наглomu мерзавцу.

Фугит отмахнулся от ее негодующих слов, как от надоедливой мухи.

– Что хочу, то и делаю! Все мои предки так жили, почему мне нельзя? Во мне течет кровь Сордитов, которую все называют грязной! Вот я и оправдываю это звание по мере моих слабых сил! – и он развязно расхохотался. – Впрочем, если ты завидуешь, – он похабно подмигнул ей, – то ложись рядом. Меня и на тебя хватит!

– В самом деле хватит! – она сделала стремительный шаг вперед и уже привычно командовала: – На колени!

Выпучив глаза, тот упал перед ней и только тут увидел синие глаза.

– Надо же, сама королева пожаловала! – он рассмеялся, закинув голову.

И тут же осекся, получив болезненный щелбан по лбу.

Амирель, в точности повторив то, что не раз видела от Ферруна, потеряла занывшие от удара пальцы. Оказывается, раздавать щелбаны вовсе невесело и даже больно. Или она просто никогда этого не делала, а без привычки это нелегко?

После ее щелчка от головы мужчины отлетело мутноватое облачко, и она ахнула про себя: да он тоже, как и Агнесс, находился под заклятьем графа Контрарио!

Фугит потер разболевшийся лоб и грязно выругался.

Склонившись к нему, она угрожающе приказала:

– Повторяй за мной, ничтожество: «Я клянусь любить и почитать виконтессу Каролину Парнери, с которой обвенчаюсь завтра в главном храме Купитуса».

Фугиту захотелось отгрызть себе язык, но он был вынужден повторить беспощадные для себя слова. Амирель продолжила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.